

Артур Конан Дойл

Приключения
Шерлока Холмса
Убийца мой друг



ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Артур Конан Дойл
Приключения Шерлока Холмса.
Мой друг, убийца (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8326371

Артур Конан Дойл. Приключения Шерлока Холмса. Убийца, мой друг.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2011

ISBN 978-966-14-1800-3, 978-966-14-1804-1, 978-966-14-0320-7, 978-5-9910-0758-0

Аннотация

«Приключения Шерлока Холмса» – сборник рассказов о лондонском детективе и его друге докторе Ватсоне. Изобретательные сюжеты, прозрачная ясность стиля, совершенное искусство рассказчика – вот те качества, которые принесли автору и его персонажу всемирную славу и читательскую любовь.

Содержание

Приключения Шерлока Холмса	5
Дело I. Скандал в Богемии	5
I	5
II	12
III	18
Дело II. Союз рыжих	21
Дело III. Установление личности	36
Дело IV. Тайна Боскомской долины	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53
Комментарии	

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса.

Мой друг, убийца (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2009

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Приключения Шерлока Холмса



Дело I. Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда была «Этой Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-либо иначе. Как он считал, она превосходила всех представительниц своего пола, находилась на недостижимой для других женщин высоте. Нет, никаких нежных чувств к Ирен Адлер, тем более любви, он не испытывал. Любые подобные чувства были чужды его холодному, точному, выверенному и идеально сбалансированному разуму. Мне сам Холмс представлялся скорее эдакой логической мыслительной машиной, лучшей из когда-либо существовавших на земле, но уж никак не пылким влюбленным. Он никогда даже не говорил о сердечных делах, а если и говорил, то только с насмешкой, подтрунивая над собеседниками. Надо сказать, что сама по себе страсть как явление для моего друга была весьма необходимым фактором для объяснения поступков того или иного человека, понимания их мотивов. Однако опытному логик допустить вторжение этого чувства в собственный разум, в свой внутренний мир означало бы вывести из строя тончайший инструмент, требу-

ющий в обращении хирургической точности, что могло бы нарушить результаты его работы. Какая-нибудь трещинка в одной из его мощных линз или песчинка в чувствительном измерительном приборе не причинили бы Холмсу столько волнений и тревоги, сколько вызвало бы сильное чувство, вдруг всколыхнувшее его душу. И все же существовала женщина, которую он считал особенной, и этой женщиной была Ирен Адлер, особа весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. Счастье, в которое я окунулся с головой, да и домашние заботы, возникающие у мужчины, когда он впервые обзаводится собственной семьей, поглотили все мое внимание. Холмс же, божественный дух которого противился любым формам светского общества, остался в нашей квартире на Бейкер-стрит, закопался в старые книги и мог неделями доводить себя кокаином^[1] до полусонного состояния. Это состояние чередовалось у него с бурными всплесками неимоверной энергии, присущей его жаждущей действий натуре. Его по-прежнему привлекали исследование и разгадка преступлений. Все свои огромные способности и выдающееся умение делать выводы он употреблял на то, чтобы находить и связывать оборванные нити, распутывая тайны, которые оказывались не по зубам полицейским сыщикам из Скотленд-Ярда. Время от времени до меня доходили кое-какие слухи о том, чем он занимался: о его поездке в Одессу в связи с убийством Трепова^[2], о том, как он раскрыл загадочную трагедию братьев Аткинсон из Тринкомали^[3], наконец, о том, как блестяще и деликатно справился он с поручением, полученным от королевского дома Голландии. Однако, помимо этих признаков активности, о которых я, как и остальные читатели, узнавал из ежедневных газет, я мало что слышал о своем друге и бывшем соседе.

Однажды вечером, а именно двадцатого марта 1888 года, я возвращался от пациента (я тогда снова взялся за частную практику) через Бейкер-стрит. Проходя мимо столь знакомой двери, которая всегда будет напоминать мне о том дне, когда я впервые повстречал свою будущую жену, и о мрачных обстоятельствах дела, описанного в «Этюде в багровых тонах», я вдруг ужасно захотел вновь увидеть Холмса и узнать, чем занят сейчас этот удивительный человек. В его комнате горел яркий свет, и я, пока стоял задрав голову, даже пару раз увидел его длинный узкий силуэт, промелькнувший за спущенной шторой. Он расхаживал по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки, и мне, человеку, досконально знающему все его привычки, сразу стало ясно: Холмс опять занят работой. Он вырвался из наркотического плена и снова взялся за какое-то загадочное дело. Я позвонил, и меня проводили наверх, в комнату, которая когда-то принадлежала и мне.

Увидев меня, он не рассыпался в приветствиях, да это вообще случалось с ним крайне редко, но все же, как мне показалось, обрадовался. После короткого приветствия он указал мне на кресло, бросил мне портсигар и кивнул на буфет с бутылками и сифон, стоящие в углу. Потом встал у горящего камина и окинул меня пронизательным взглядом.

– Семейная жизнь пошла вам на пользу, Ватсон, – сказал он. – Вы набрали семь с половиной фунтов с того дня, когда я видел вас последний раз.

– Семь! – поправил его я.

– Да, действительно. Нужно было мне еще чуть-чуть подумать. Самую малость. Вы, я вижу, снова практикуете. Ватсон, а вы не говорили мне, что собираетесь снова взяться за работу...

– Тогда как вы об этом догадались?

– Увидел и сделал выводы. Вот как, по-вашему, я узнал, что недавно вы сильно промокли и что ваша служанка – очень нерасторопная и легкомысленная особа?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж слишком. Если бы вы жили несколько веков назад, вас бы точно сожгли на костре. Я, действительно, в четверг выезжал за город и вернулся домой с ног до головы в грязи, но, поскольку я сменил всю одежду, мне в самом деле

непонятно, как вы могли об этом догадаться. А что касается Мэри Джейн, она просто безнадёжна, и моя жена уже не раз делала ей замечания, но скажите, ради Бога, как вы-то об этом узнали?

Он, тихонько посмеиваясь, соединил перед собой кончики длинных нервных пальцев.

– Что может быть проще, – сказал он. – Я вижу на внутренней стороне вашего левого ботинка, как раз на том месте, куда падает свет от огня в камине, три параллельных царапины. Наверняка они появились в результате того, что кто-то неаккуратно счищал грязь, налипшую вокруг подошвы. Отсюда и следует двойной вывод: во-первых, вы были на улице в ненастную погоду и, во-вторых, ботинки вам чистит крайне недобросовестный представитель лондонской прислуги. Что же касается вашей практики, то, если ко мне в комнату входит человек, пропахший йодоформом, с черным пятнышком ляписа на указательном пальце правой руки и с шишкой на правой стороне цилиндра, где он прячет свой стетоскоп, я был бы настоящим тупицей, если бы не сообразил, что передо мной – врач, активно занимающийся своими прямыми обязанностями.

Я не мог не рассмеяться, слушая, с каким простодушным видом он объяснил мне ход своих мыслей.

– Знаете, когда вы рассказываете, – заметил я, – все кажется настолько простым, что я не понимаю, как я сам до этого не додумался. Увы, но и в следующий раз я точно так же ничего не буду понимать до тех пор, пока не услышу ваше объяснение. И это несмотря на то, что глаза у меня не хуже ваших.

– Это верно, – согласился он, закуривая сигарету и усаживаясь в кресло. – Дело в том, что вы смотрите, но не замечаете. Между этими понятиями огромная разница. Вот, например, вы много раз видели лестницу, ведущую из холла в эту комнату, да?

– Да.

– Сколько раз?

– Ну, наверное, несколько сот.

– Скажите, сколько там ступенек?

– Ступенек? Не знаю.

– Вот видите! Этого вы не заметили, хоть и смотрели на лестницу бесчисленное количество раз. Вот к чему я веду. Ну, а я знаю, что ступеней семнадцать, потому что я и смотрел, и замечал. Кстати, раз уж вас интересуют подобные вещи настолько, что вы взяли на себя труд описать некоторые из моих небольших приключений, может быть, вам будет интересно и это дело, – указал он на сложенный лист плотной розовой бумаги, который лежал на столе. – Это пришло с последней почтой, – добавил Холмс. – Прочитайте вслух.

На письме не стояло ни даты, ни имени, ни адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, – говорилось в нем, – вас навестит джентльмен, который хотел бы услышать ваш совет по одному чрезвычайно важному делу. Услуги, которые вы недавно оказали одной из королевских фамилий Европы, показали, что вам можно доверять дела исключительной важности. Такой отзыв о вас все источники нам дают. Ждите в своей квартире в обозначенное время и не удивляйтесь, если ваш посетитель будет в маске».

– Действительно, загадка какая-то, – заметил я, прочитав письмо. – Что, по-вашему, это значит?

– У меня пока нет данных. Делать выводы, не имея данных, – грубая и частая ошибка. Так постепенно человек приходит к тому, что начинает подгонять факты под уже существующие выводы, вместо того чтобы делать выводы из фактов. Но давайте посмотрим на само письмо. Какие выводы вы можете сделать, прочитав его?

Я внимательно всмотрелся в почерк, оценил бумагу.

– Тот, кто его написал, – сказал я, пытаюсь мыслить по-холмсовски, – человек скорее всего не бедный. Пачка такой бумаги стоит не меньше полкроны. Она необычно прочная и плотная.

– Слово «необычная» больше всего подходит для этого случая, – сказал мой друг. – Эта бумага изготовлена не в Англии. Посмотрите через нее на свет.

Я сделал то, что он просил, и увидел водяные знаки в виде букв. Сначала большая «E», рядом с ней маленькая «g», далее «P» и за ней большая «G» и маленькая «t».

– Что это, по-вашему? – спросил Холмс.

– Имя изготовителя, несомненно. Вернее, его монограмма.

– Ошибаетесь. Прописная «G» со строчной «t» означают слово «Gesellschaft», «компания» по-немецки. Это стандартное сокращение наподобие нашего «К^о». Далее. «P», разумеется, от слова «Papier». Теперь «Eg». Заглянем в географический справочник. – Он снял с полки увесистый том в коричневой обложке. – Так. Посмотрим, что у нас есть. Eglow¹, Eglonitz... Нашел! Egria. Это небольшая германоязычная местность в... Богемии^[4], недалеко от Карлсбада^[5]. Почитаем: «Известна многочисленными расположенными на ее территории стекольными заводами, бумажными фабриками и тем, что именно здесь погиб Валленштейн»^[6]. Ха-ха, замечательно. Что вы на это скажете? – Глаза Холмса вспыхнули, с торжествующим видом он выпустил из сигареты огромное сизое облако дыма.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Совершенно верно. А человек, написавший это письмо, – немец. Вы обратили внимание на необычное построение предложения «Такой отзыв о вас все источники нам дают»? Француз или русский так бы не написал. Только немцы могут так непочтительно относиться к глаголам. Нам остается лишь выяснить, чего хочет этот немец, который пишет на бумаге, изготовленной в Богемии, и предпочитает скрывать лицо под маской. А вот, если не ошибаюсь, и он, сейчас все наши сомнения развеются.

В этот миг с улицы донесся стук копыт и грохот колес на булыжной мостовой, после чего требовательно затрещал звонок на входной двери. Холмс присвистнул.

– Судя по звуку, пара, – сказал он. – Так и есть, – добавил он, выглянув в окно. – Отличный брум и пара отличных лошадей по полторы сотни гиней. Это дело пахнет деньгами, Ватсон.

– Наверное, мне лучше уйти, Холмс?

– Вовсе нет, доктор. Оставайтесь. Мне как-то не по себе без своего Босуэлла^[7]. Дело обещает быть интересным. Жаль будет его пропустить.

– Но ваш клиент...

– О нем не переживайте. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему, следовательно, тоже. Но я слышу, он уже поднимается. Садитесь в кресло, доктор, и внимательно слушайте.

Приближающиеся по лестнице медленные тяжелые шаги неожиданно оборвались прямо за дверью, после чего к нам громко и властно постучали.

– Входите! – крикнул Холмс.

В комнату шагнул богатырского телосложения мужчина, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был богато, но столь роскошный наряд у нас в Англии сочли бы дурновкусием. Рукава и воротник его двубортного плаща были оторочены каракулем, а темно-синяя накидка на плечах, подбитая ярко-красным шелком, скреплялась у шеи брошью из крупного огненного берилла. Высокие до середины икры сапоги, отделанные сверху коричневым мехом, дополняли картину варварской пышности, которую создавал весь его вид. В руке он держал широкополую шляпу, верхнюю половину лица его закрывала полу-

¹ Eglow – Еглов – маленький остров на Онежском озере рядом с островом Кижы в Карелии (Россия). (Здесь и далее примеч. пер.)

маска, которую он явно натянул только что, потому что, входя, все еще поправлял ее. Судя по нижней части лица, это был человек сильного характера: толстая выпяченная нижняя губа и длинный острый подбородок наводили на мысль о решительности, граничащей с упрямством.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. – Я заранее поставил вас в известность о своем визите. – Он переводил взгляд с меня на Холмса, очевидно не понимая, к кому обращаться.

– Прошу вас, присаживайтесь, – пригласил Холмс. – Это мой друг и коллега доктор Ватсон. Он иногда помогает мне в работе. С кем имею честь разговаривать?

– Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Этот джентльмен, ваш друг, думаю, человек честный и благоразумный, и я могу доверить ему тайну чрезвычайной важности. Если это не так, я бы очень хотел говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс взял меня за руку и рывком усадил обратно.

– Либо вы будете разговаривать с нами обоими, либо ни с кем, – сказал он. – При этом джентльмене вы можете говорить совершенно откровенно.

Граф пожал широкими плечами.

– Тогда я начну с того, – сказал он, – что возьму с вас слово ближайшие два года хранить в строжайшей тайне все то, что вы сейчас услышите. По истечении этого срока это уже не будет иметь значения. Но сейчас не будет преувеличением сказать, что на карту поставлено будущее всей Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– Я тоже.

– Прошу меня простить за то, что я скрываю свое лицо, – продолжил наш странный посетитель. – Августейшая особа, на которую я работаю, изъявила желание, чтобы вам не было известно, кто представляет его интересы. Могу признаться, что титул, который я назвал, на самом деле мне не принадлежит.

– Я догадался, – сухо обронил Холмс.

– Обстоятельства дела очень деликатные, необходимо сделать все возможное, чтобы не дать вспыхнуть грандиозному скандалу, который может серьезно скомпрометировать одну из царствующих фамилий Европы. Не стану скрывать, речь идет о доме Ормштейнов, наследных королей Богемии.

– Об этом я тоже догадался, – побормотал Холмс, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

Посетитель наш изумленно воззрился на человека, с безразличным видом откинувшегося в кресле в расслабленной позе, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого проникательного и энергичного частного сыщика во всей Европе. Холмс медленно раскрыл глаза и выжидающе посмотрел на своего могучего клиента.

– Если Ваше Величество сосредоточится на деле, – проговорил он, – мне будет значительно проще вам помочь.

Мужчина вскочил и, охваченный сильнейшим волнением, стал ходить по комнате. Потом с жестом отчаяния сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он. – Да, я – король. Зачем это скрывать?

– Действительно, зачем? – хмыкнул Холмс. – Еще до того, как Ваше Величество произнесли первые слова, я уже знал, что имею честь принимать у себя Вильгельма Готтсрайха Сигизмунда фон Ормштайна, великого герцога Кассель-Фельштайнского, наследного короля Богемии.

– Но вы должны понимать, – сказал наш необычный посетитель, снова усаживаясь в кресло и проводя рукой по высокому бледному лбу, – должны понимать, что я не привык лично заниматься подобными делами. Однако вопрос настолько серьезен, что я не мог дове-

рить его решение никому другому, не поставив себя под удар. Я прибыл инкогнито из Праги специально, чтобы получить вашу консультацию по этому делу.

– Так изложите мне его, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Вкратце факты таковы: около пяти лет назад, во время продолжительного визита в Варшаву, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, несомненно, должно быть знакомо.

– Доктор, будьте добры, поищите в картотеке, – не открывая глаз, произнес Холмс.

Он уже много лет собирал и упорядочивал сведения о людях и событиях, которые прямо или косвенно могли иметь отношение к его профессии, поэтому трудно было представить себе, чтобы в этих стенах было произнесено имя, на которое не оказалось бы соответствующей записи в его картотеке. Биографию Ирен Адлер я отыскал между биографиями какого-то иудейского раввина и одного капитана, написавшего монографию о глубоководных рыбах.

– Так-с, посмотрим, – сказал Холмс. – Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто... хм! «Ла Скала»^[8], хм! Примадонна императорской оперы в Варшаве^[9]... так-так. Оставила оперную сцену... ха! Живет в Лондоне... ну разумеется! Ваше Величество, насколько я понимаю, завязали с этой молодой особой определенные отношения, написали ей несколько откровенных писем и теперь желали бы получить эти письма обратно.

– Совершенно верно. Но как...

– Вы тайно обвенчались?

– Нет.

– Никаких официальных бумаг или документов, указывающих на вашу связь, не существует?

– Нет.

– В таком случае я не совсем понимаю Ваше Величество. Если эта особа решит шантажировать вас этими письмами или использовать их для каких-то других целей, как она сможет доказать их подлинность?

– Но почерк!

– Подделка!

– Моя личная бумага!

– Украдена.

– Моя печать!

– Фальшивая.

– Моя фотография!

– Куплена.

– Но на ней мы изображены вдвоем.

– О-о... Это очень плохо. Ваше Величество действительно допустили большую оплошность.

– Я тогда сходил с ума... Обезумел.

– Вы сильно скомпрометировали себя.

– Тогда я был лишь кронпринцем^[10]. Мальчишкой. Мне сейчас только тридцать.

– Фотографию нужно вернуть.

– Мы пытались, но ничего не вышло.

– Вашему Величеству нужно заплатить. Выкупить ее.

– Она ее не продает.

– Тогда ее надо выкрасть.

– Было сделано пять попыток. Дважды в ее дом вламывались нанятые мной воры. Один раз, когда она путешествовала, мы выкрали и обыскали ее багаж. Дважды на нее нападали грабители. И никаких результатов.

– Совсем никаких?

– Совершенно.

Холмс рассмеялся.

– Интересное дельце! – воскликнул он.

– Для меня это очень серьезно, – с укоризной сказал король.

– Да, очень. И зачем же ей нужна эта фотография?

– Чтобы погубить меня.

– Каким образом?

– В скором времени я собираюсь жениться.

– Я об этом слышал.

– На Клотильде Лотман фон Сакс-Менингенской, младшей дочери короля Скандинавии. Возможно, вам известно, какие строгие правила царят в этой семье. Сама Клотильда очень чувствительный человек. Даже тень сомнения относительно моего прошлого может помешать нашему браку.

– А Ирен Адлер?

– Угрожает послать им фотографию. И она это сделает! Вы ее не знаете, у нее железный характер. Природа наделила ее лицом прекраснейшей из женщин и решительностью отважного мужчины. Чтобы не дать мне жениться на другой, она не остановится ни перед чем...

– Вы уверены, что она еще не послала фотографию?

– Уверен.

– Почему?

– Потому что сказала, что пошлет ее в тот день, когда о моей помолвке будет сообщено официально. Это произойдет в следующий понедельник.

– А, так у нас еще три дня в запасе, – облегченно произнес Холмс. – Это очень хорошо, потому что у меня на сегодня намечена еще пара-тройка важных дел. Ваше Величество, разумеется, пока останется в Лондоне?

– Конечно. Я остановился в гостинице «Лэнгхэм» под именем графа фон Крамма.

– Тогда я пошлю вам записку о том, как у нас пойдут дела.

– Да, пожалуйста. Я буду ее ждать.

– Хорошо. Деньги?

– У вас карт-бланш^[11].

– Я не ограничен?

– За эту фотографию я готов отдать одну из провинций своего королевства!

– А текущие расходы?

Король достал из-под плаща увесистый замшевый мешочек и положил его на стол.

– Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, – сказал он.

Холмс черкнул расписку на листке из своей записной книжки и, передавая ее королю, спросил:

– По какому адресу проживает мадемуазель?

– Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд^[12].

Холмс записал адрес.

– И еще один вопрос. Это фотография кабинетного формата^[13]?

– Да.

– Что ж, до свидания, Ваше Величество. Надеюсь, в скором времени у вас появятся хорошие новости. Спокойной ночи и вам, Ватсон, – добавил он, когда королевский брум отъехал от дома. – Если зайдете завтра в три, я с удовольствием обсужу с вами это дельце.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмса дома не застал. Хозяйка сообщила мне, что он ушел еще в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дожидаться его, когда бы он ни вернулся. Меня это дело очень заинтересовало, несмотря на то что в нем не было ничего общего с теми двумя загадочными и страшными преступлениями, которые я описал раньше. Однако сама суть этой загадки и то возбужденное состояние, в котором пребывал клиент Холмса, придавали этому делу необычный характер. Да и, кроме предстоящего расследования, мастерство моего друга, его умение удивительно быстро овладевать ситуацией и на основании тщательных наблюдений и простой логики делать поразительные по своей точности выводы зачаровывали меня. Изучать систему его работы и приемы, с помощью которых он в два счета распутывал сложнейшие загадки, для меня было настоящим удовольствием. Я так привык к его постоянному успеху, что мысль о возможности неудачи даже не приходила мне в голову.

На часах было почти четыре, когда неожиданно отворилась дверь и в комнату нетрезвой походкой вошел грум, грязный, с засаленными бакенбардами, красной физиономией и в каких-то обносках. Мне, хоть я и знал об удивительной способности моего друга с помощью грима изменять свою внешность до неузнаваемости, пришлось три раза внимательно осмотреть его с ног до головы, прежде чем убедиться, что это действительно он. Кивнув мне в знак приветствия, он удалился в свою комнату, откуда вышел через пять минут чистый, аккуратно причесанный, в твидовом костюме. Усевшись в стоящее у камина кресло, он вытянул к огню ноги и весело рассмеялся.

– Ну и дела! – спустя несколько минут сказал он, после чего снова расхохотался и не мог остановиться до тех пор, пока, обессилев, в полном изнеможении не откинулся на спинку кресла.

– Что с вами, Холмс?

– Простите меня, Ватсон, просто вы ни за что не угадаете, как я провел это утро и чем мне в итоге пришлось заниматься.

– Даже представить себе не могу. Наверное, наблюдали за мисс Ирен Адлер или за ее домом.

– Верно, я с этого начал, но закончилось все очень необычно. Сейчас я вам расскажу. Утром я в начале девятого вышел из дому под видом грума, шатающегося без работы. Понимаете, все лошадики с большой симпатией и сочувствием относятся друг к другу. Если вы – один из них, вы легко раздобудете любую нужную вам информацию. Очень скоро я узнал, где находится Брайени-Лодж. Это чудесная небольшая двухэтажная вилла с садом на заднем дворе. Фасадом она выходит прямо на дорогу, на калитке чаббовский замок^[14]. В правой части дома – большая гостиная, с хорошей мебелью, на огромных, почти до пола, окнах – примитивные английские замки, которые даже ребенок откроет. На втором этаже ничего примечательного, кроме того, что до окна коридора очень легко можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел кругом весь дом, все внимательно осмотрел, но больше не увидел ничего интересного. Потом я прошелся вниз по улице, и, как и ожидал, увидел старые конюшни, стоящие рядами вдоль одной из стен, окружающих сад. Я помог конюхам почистить лошадей, за что получил от них два пенса, стакан разбавленного виски, два щипка махорки и исчерпывающую информацию как о мисс Адлер, так и о дюжине ее соседей, которые меня совершенно не интересуют, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

– И что же вы узнали об Ирен Адлер? – спросил я.

– О, она покорила сердца всех мужчин, живущих в том районе. На нашей планете это самое очаровательное существо из тех, которые носят платье и шляпку. Так, по крайней

мере, говорят конюхи с улицы Серпентайн-авеню. Она живет тихо, выступает на концертах, каждый день в пять часов выезжает на прогулку и возвращается к ужину ровно в семь. Редко покидает дом в другое время, кроме тех случаев, когда поет. В ее дом приходит только один мужчина, но бывает у нее часто. Он темноволос, красив и элегантен, навещает мисс Адлер как минимум раз в день, а то и чаще. Это мистер Годфри Нортон из «Иннер темпла»^[15]. Иметь в информаторах кучеров очень выгодно. Они много раз возили его с Серпентайн-мьюз домой и знают о нем все. Выслушав их рассказ, я с ними попрощался и снова стал прохаживаться вдоль Брайени-Лодж, обдумывая план действий.

Годфри Нортон – немаловажная фигура в этом деле. Он адвокат, что уже говорит само за себя. Что их связывает и зачем он так часто приезжает? Кто для него мисс Адлер: клиент, друг, любовница? Если первое, то скорее всего она дала фотографию ему на хранение. Если последнее, то это маловероятно. От ответа на этот вопрос зависело, нужно ли мне продолжать работать в Брайени-Лодж или стоит переключить внимание на дом этого джентльмена в Темпле. Это обстоятельство заслуживало особого внимания, поскольку расширяло поле моего расследования. Боюсь, что все эти подробности уже утомили вас, но, чтобы понять ситуацию, вам нужно знать, какие небольшие трудности мне пришлось преодолеть.

– Нет-нет, я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Пока я взвешивал все за и против каждого из вариантов, к Брайени-Лодж подкатил экипаж и из него выпрыгнул молодой человек. Красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Вероятно, это был тот самый джентльмен, о котором я слышал. Судя по всему, он очень спешил, потому что, приказав кучеру ждать, бросился в дом мимо открывшей дверь служанки так, будто приехал к себе домой.

Внутри он пробыл около получаса, и я несколько раз через окна гостиной видел, как он взволнованно ходит по комнате, что-то говорит и возбужденно размахивает руками. Хозяйки видно не было. Наконец он вышел, спеша, судя по всему, даже больше прежнего. Ступив на подножку экипажа, он вынул из кармана золотые часы, озабоченно посмотрел на них и крикнул кучеру: «Гони что есть духу! Сначала к «Гросс-и-Хэнке» на Риджент-стрит, потом на Эджвээр-роуд к церкви Святой Моники. Успеешь за двадцать минут – получишь полгинеи!» И они умчались. Я стоял, размышляя, стоит ли последовать за ними, когда на улице показалось небольшое изящное ландо. У кучера пальто было застегнуто наполовину, узел галстука съехал под ухо. Ремни упряжи торчали из застежек в разные стороны. Не успело ландо остановиться, как сама мисс Адлер выпорхнула из дома и нырнула в него. Я успел лишь мельком ее увидеть. Это настоящая красавица, с таким лицом, за которое мужчине и умереть не жалко. «К церкви Святой Моники, Джон, – крикнула она. – Получите полсоверена, если доедем за двадцать минут». Такой шанс нельзя было упускать, Ватсон. Я на какую-то секунду задумался, что лучше – побежать следом или незаметно прицепиться к ее ландо сзади, но тут на улицу выехал кеб. Кучер его выглядел еще неопрятнее предыдущего, но я вскочил в экипаж, прежде чем он успел что-либо возразить, и крикнул: «К церкви Святой Моники! Получите полсоверена, если доедете за двадцать минут». Было без двадцати пяти двенадцать, и, разумеется, понять, что происходит, было несложно.

Мой кебмен гнал, как ветер, не думаю, что я когда-либо ездил быстрее, но остальные все же приехали на место раньше меня. Подъехав к церкви, я увидел и экипаж, и ландо, стоящие рядом у входа, от их взмыленных лошадей валил пар. Заплатив кучеру, я бросился внутрь. Там не было ни души, за исключением тех двоих, кого я преследовал, и священника, который, судя по его удивленному виду, о чем-то с ними спорил. Они стояли тесной группкой у алтаря. Я тихо прошел в угол и сел в сторонке, как обычный прохожий, случайно зашедший в церковь, но тут, к моему великому изумлению, все трое одновременно повернули головы в мою сторону, и ко мне торопливо направился Годфри Нортон.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы подойдете. Идемте! Идемте со мной!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Да идемте же. Всего три минуты, прошу вас».

Он чуть ли не силой подтащил меня к алтарю, и я опомниться не успел, как уже мямлил какие-то клятвы, которые мне шепотом произносились на ухо, и ручался за вещи, о которых ровным счетом ничего знал, в общем, всячески помогал соединить священными узами брака Ирен Адлер и Годфри Нортон. Через какую-то минуту с одной стороны меня уже благодарил джентльмен, с другой – леди, а спереди сиял улыбкой служитель алтаря. В более нелепую ситуацию я не попадал никогда в жизни. Мысль о ней и заставила меня рассмеяться. Скорее всего, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник отказывался соединять их браком без свидетеля, но тут, к счастью, появился я, так что им не пришлось идти на улицу, чтобы искать себе шафера. Невеста вручила мне золотой соверен, и я собираюсь носить его на цепочке часов в память об этом событии.

– Да, крайне неожиданный поворот событий, – сказал я. – А что было потом?

– Планы мои, естественно, были разрушены. Все шло к тому, что счастливая пара должна была уехать вместе, а мне требовалось быстро и решительно принять необходимые меры. Однако, выйдя из церкви, они расстались. Он отправился в Темпл, а она – к себе домой. «В пять, как обычно, я поеду в парк», – сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не услышал. Они разъехались в разные стороны, а я отправился заниматься своими приготовлениями.

– И в чем они заключаются?

– Кусок холодной говядины и бокал пива, – сказал Холмс, дернув колокольчик. – Я был слишком занят, чтобы думать о еде, а вечером буду занят еще больше. Кстати, доктор, я бы хотел, чтобы вы мне помогли.

– С удовольствием.

– Вы не боитесь нарушить закон?

– Нисколько.

– А если вас арестуют?

– Согласен, если это нужно для доброго дела.

– О, дело стоящее.

– Тогда можете мною располагать.

– Я не сомневался, что смогу на вас положиться.

– Но что я должен буду делать?

– Дождемся миссис Тэнер с подносом, и я вам все объясню. Итак, – сказал он, с аппетитом поглядывая на нехитрую снедь, приготовленную хозяйкой. Мне придется есть и разговаривать одновременно, потому что у меня мало времени. Уже почти пять. Через два часа нам уже нужно быть на месте. Мисс Ирен, вернее, теперь уже мадам, с прогулки возвращается в семь. Мы должны быть в Брайени-Лодж, чтобы встретить ее.

– А потом?

– Об этом не беспокойтесь. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни произошло, не вмешивайтесь. Поняли?

– То есть я должен оставаться в стороне?

– Просто ничего не делайте. Возможно, случится какая-нибудь неприятность, но вы не вмешивайтесь. Меня проводят в дом. Через четыре-пять минут в гостиной откроется окно. Вам надо подойти к нему поближе.

– Ясно.

– Меня будет видно в окно, поэтому вы должны за мной наблюдать.

– Хорошо.

– Когда я подниму руку – вот так, вы бросите в окно то, что я вам дам, и закричите: «Пожар!» Все понятно?

– Абсолютно.

– Ничего опасного тут нет, – сказал он, доставая из кармана длинный сигарообразный сверток. – Это обычная дымовая шашка, такие используют трубочисты, проверяя трубы каминов. Она с обоих концов снабжена самовоспламеняющимися капсюлями. Больше вам ничего делать не нужно. Ваш крик подхватят люди. После этого вы пройдете до конца улицы, где я присоединюсь к вам через десять минут. Надеюсь, все понятно?

– Мне нужно ни во что не вмешиваться, стоять рядом с окном, наблюдать за вами и по вашему сигналу забросить в дом этот предмет. Потом я должен буду поднять крик о пожаре и ждать вас в конце улицы.

– Все верно.

– Что ж, можете на меня рассчитывать. Я выполню все в точности.

– Замечательно. А мне пора уже готовиться к новой роли.

Он удалился в свою комнату, откуда через несколько минут вышел симпатичный простоватый служитель нонконформистской церкви^[16]. Широкополая черная шляпа, мешковатые штаны, белый галстук, располагающая улыбка, внимательный взгляд и общее выражение искреннего благожелательного любопытства сделали бы честь самому мистеру Джону Хэйру^[17]. Холмс не просто сменил костюм. Лицо, манера держать себя, даже, казалось, его внутренний мир менялся с каждой новой ролью, которую он играл. Сцена утратила великого актера, а наука – гениального мыслителя в тот день, когда он ступил на стезю борьбы с преступностью.

Мы вышли из дома на Бейкер-стрит в четверть седьмого, но на Серпентайн-авеню все же оказались за десять минут до назначенного времени. Начинало смеркаться, один за одним загорались уличные фонари, когда мы прогуливались недалеко от Брайени-Лодж в ожидании хозяйки. Здание было точно таким, каким представлялось мне по краткому описанию Шерлока Холмса, но район, в котором оно располагалось, против ожидания оказался вовсе не таким тихим. Для такой небольшой улочки здесь было на удивление оживленно. На углу стояла группка бедно одетых мужчин, которые курили и смеялись, чуть поодаль точильщик ножниц сидел за своим колесом, тут же двое гвардейцев флиртовали с молодой нянькой, и по улице прохаживались несколько щегольского вида молодых людей с сигарами в зубах.

– Видите ли, – заметил Холмс, когда мы уже в который раз проходили перед интересующим нас домом, – эта свадьба значительно упростила дело. Теперь фотография становится палкой о двух концах. Отныне для Ирен Адлер будет так же нежелательно, чтобы снимок увидел мистер Годфри Нортон, как и нашему клиенту – чтобы он оказался в руках его принцессы. Вопрос заключается в том, где искать фотографию?

– И правда, где?

– Вряд ли Ирен носит ее с собой. Фотография велика, такую не спрячешь в женском платье. К тому же ей известно, что король может подстроить нападение грабителей. Две подобные попытки уже были. То есть можно смело утверждать, что фотографию с собой она не носит.

– Так где же она?

– У ее банкира или адвоката. Возможен и тот, и другой вариант, но я их считаю маловероятными. Женщины по природе – существа скрытные и любят окружать себя маленькими тайнами. Зачем ей отдавать фотографию в чужие руки? Она может доверять своему избраннику, но ей неизвестно, какое политическое или другое воздействие может быть оказано на него как на делового человека. Кроме того, не забывайте, что она приняла решение пустить ее в ход в ближайшие дни. Нет, фотография должна всегда находиться у нее под рукой. Она хранит ее у себя дома.

– Но дом же два раза обыскивали!

– Это ни о чем не говорит. Они не умеют искать.

– А как вы собираетесь ее искать?

– Я не собираюсь ее искать.

– Тогда что же?

– Я сделаю так, что она сама покажет мне, где спрятана фотография.

– Но она не захочет!

– У нее не будет выбора. Однако я слышу стук колес. Это ее экипаж. Прошу вас, выполните в точности мои указания.

Как только он произнес эти слова, из-за угла выехало небольшое ландо изящных очертаний с горящими боковыми фонарями. Экипаж с грохотом подкатил к двери Брайени-Лодж. Когда он остановился, один из оборванцев, праздно стоящих на углу, бросился открывать дверцу, надеясь заработать монетку, но его оттолкнул другой бездельник явно с тем же намерением. Мгновенно вспыхнула перебранка, к которой сразу же подключились двое гвардейцев, вставших на сторону одного из зачинщиков, и точильщик, принявшийся с не меньшим жаром защищать второго. В мгновение ока ссора переросла в драку, и леди, вышедшая из экипажа, оказалась в гуще дерущихся. Ее со всех сторон окружили разгоряченные мужчины, лупившие друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить женщину, но, едва он успел до нее добраться, как вдруг, вскрикнув, упал с залитым кровью лицом. Гвардейцы бросились бежать в одном направлении, оборванцы – в другом, а к месту происшествия ринулись более прилично одетые люди (до этого смотревшие на потасовку со стороны), чтобы помочь леди и оказать помощь раненому. Ирен Адлер – я по-прежнему буду называть ее так – взбежала по лестнице, но остановилась у самой двери и обернулась. Красоту ее фигуры эффектно подчеркивал свет, струящийся из холла.

– Этот бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – зашумели в толпе.

– Нет-нет, жив еще, – послышался чей-то голос, – но до больницы не дотянет.

– Какой храбрый! – сказала одна из женщин. – Если бы не он, они бы точно у леди отняли кошелек и часы. Это банда, они специально все подстроили! Ах, смотрите, он дышит!

– Нельзя же его на улице оставлять. Можно его занести в дом, мадам?

– Конечно. Перенесите его в гостиную, там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Холмса бережно подняли и внесли в гостиную Брайени-Лодж, я за всем происходящим наблюдал со своего места у окна. В гостиной горел свет, но шторы не были закрыты, поэтому мне было отлично видно, что происходит внутри. Не знаю, что тогда творилось в душе Холмса, который лежал на диване с видом умирающего, но я еще никогда не испытывал более сильного угрызения совести, чем в ту минуту, когда видел эту прекрасную женщину, в заговоре против которой участвовал, и то, с каким неподдельным волнением и участием она склонилась над раненым. Но все же не выполнить указания Холмса было бы настоящим предательством по отношению к нему. Скрепя сердце я достал из-под ольстера^[18] дымовую шашку. В конце концов, мы же не собираемся причинять ей вреда. Наоборот, мы хотим помешать причинить вред другому.

Холмс сел на диване и замахал руками, как человек, которому не хватает воздуха. Как только служанка бросилась открывать окно, я увидел, что он условным сигналом поднял руку. Забросив в дом шашку, я крикнул: «Пожар!» Тут же собравшаяся разношерстная толпа – люди приличного вида и оборванцы, джентльмены, конюхи, служанки – подхватила крик, тревожные возгласы «Пожар! Пожар!» уже слышались со всех сторон. Дым густыми клубами начал заполнять комнату и повалил из открытого окна. Я успел заметить, что по комнате заматались фигуры, и услышал голос Холмса, который призывал всех успокоиться, поскольку тревога была ложной.

Пробившись сквозь толпу, я направился к углу улицы. Через десять минут я облегченно вздохнул, когда ко мне подошел Холмс и мы торопливым шагом направились прочь от места

заварухи. Мой друг шел молча, пока мы не свернули на какую-то тихую улочку, выходящую на Эджвеар-роуд.

– Благодарю вас, доктор, вы все выполнили точно. Все в порядке, – заговорил он.

– Фотография у вас?

– Я знаю, где она.

– Как же вы это узнали?

– Как я и говорил. Она сама показала мне.

– Простите, но я до сих пор ничего не понимаю.

– Не буду вас томить, – весело рассмеялся он. – Все очень просто. Вы, конечно, догадались, что все эти люди на улице были подставными. Я их нанял.

– Это я понял.

– Когда началась свалка, у меня в руке был зажат небольшой сосуд с красной краской. Я бросился вперед, упал, хлопнул себя рукой по голове и превратился в раненого. Это старый трюк.

– Это я тоже понял.

– Потом меня внесли в дом. Ей пришлось разрешить это сделать. Разве могла она поступить иначе? Как я и ожидал, меня отнесли в гостиную. Фотография могла быть спрятана либо в гостиной, либо в спальне, и мне предстояло выяснить, где именно. Меня положили на диван, потом я сделал вид, что мне не хватает воздуха, им пришлось открыть окно, и вы получили возможность выполнить мои указания.

– И как вам это помогло?

– О, если бы не вы, все мои старания оказались бы напрасными. Когда в доме пожар, женщина инстинктивно бросается спасать то, что для нее дороже всего. Это непреодолимый импульс, и я не раз использовал его в своих целях. Например, в Дарлингтоне^[19] в скандале с подделкой или в нашумевшем деле в замке Арнсворт. Замужняя женщина мчится к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Я понимал, что для нашей леди в доме не было ничего дороже фотографии, которую мы взялись найти. Она должна была броситься спасать именно ее. Спектакль с пожаром был разыгран идеально. Дым, крики, тут любой заволновался бы, даже человек со стальными нервами. И она повела себя так, как я и рассчитывал. Фотография находится в небольшом тайнике за сдвигающейся панелью, сразу над шнурком с колокольчиком для вызова слуг, с правой стороны камина. Я даже успел увидеть ее уголок, когда она доставала ее из тайника. Потом я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию на место, посмотрела на дымовую шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал, извинился за доставленные хлопоты и ушел. Я хотел было взять фотографию сразу, но тут в комнату вошел ее кучер и так подозрительно на меня посмотрел, что я решил с этим повременить. Любые необдуманные действия могут погубить все дело.

– И что теперь? – спросил я.

– Дело почти закончено. Завтра мы с королем и с вами, если вы захотите присоединиться к нам, нанесем еще один визит в этот дом. Дождаться леди нас посадят в гостиной, но, скорее всего, когда она выйдет, ни нас, ни фотографии там уже не будет. Его Величеству, возможно, будет приятно извлечь фотографию из тайника собственными руками.

– В какое время вы собираетесь туда прийти?

– В восемь утра. Вряд ли она встает так рано, поэтому у нас будет достаточно времени. Хотя, конечно, нельзя забывать, что эта свадьба могла полностью изменить образ ее жизни и привычки, поэтому действовать нужно быстро. Надо как можно скорее телеграфировать королю.

За разговором мы не заметили, как добрались до Бейкер-стрит. Стоя у двери, Холмс в поисках ключа начал шарить рукой по карманам, как вдруг у нас за спиной кто-то произнес:

– Добрый вечер, мистер Шерлок Холмс!

Мы разом обернулись. В ту секунду на улице было несколько человек, но слова эти, скорее всего, произнес невысокий молодой человек в ольстере, который, не оборачиваясь, торопливо пошел дальше.

– Хм, знакомый голос, – произнес Холмс, взглядываясь в тускло освещенную улицу. – Черт возьми, кто бы это мог быть?

III

Той ночью я спал на Бейкер-стрит. Утром, когда мы сидели за кофе с гренками, в комнату ворвался король Богемии. Он схватил Холмса за плечи и, пристально всматриваясь ему в глаза, воскликнул:

– Вы ее раздобыли?

– Пока нет.

– Но надежда есть?

– Да, надежда есть.

– Так идемте же! Я сгораю от нетерпения.

– Сперва нужно найти кеб.

– В нашем распоряжении мой экипаж.

– Что ж, это упрощает дело.

Мы спустились и, не теряя времени, снова направились к Брайени-Лодж.

– Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Как вышла замуж? Когда?

– Вчера.

– Но за кого?

– За английского адвоката по фамилии Нортон.

– Но она не любит его?

– Надеюсь, что все же любит.

– Почему же вы так на это надеетесь?

– Потому что это может гарантировать Вашему Величеству спокойствие в будущем.

Если леди любит своего мужа, следовательно, она не может любить Ваше Величество. Если она не любит Ваше Величество, то я не вижу причин, по которым она хотела бы помешать вашим планам.

– Действительно. Но все же... Эх! Как бы мне хотелось, чтобы она была мне ровней! Какая бы из нее вышла королева! – Он замолчал и больше не проронил ни слова до тех пор, пока мы не приехали на Серпентайн-авеню.

Дверь Брайени-Лодж была открыта. На пороге стояла пожилая женщина. Пока мы выходили из экипажа, она наблюдала за нами с какой-то ехидцей в глазах.

– Надо полагать, мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

– Да, я – мистер Холмс, – недоуменно ответил мой друг, вопросительно глядя на нее.

– Хозяйка предупредила меня, что вы можете нанести нам визит. Сегодня утром она с мужем уехала на континент. Их поезд ушел в четверть шестого с Чаринг-кросского вокзала.

– Что? – От досады и удивления мой друг даже отступил на шаг и побледнел как полотно. – Вы имеете в виду, что она покинула Англию?

– Да, и не собирается возвращаться.

– А как же бумаги? – осипшим голосом воскликнул король. – Все пропало!

– Посмотрим! – Холмс бросился мимо служанки в дом и напрямик направился в гостиную. Мы с королем последовали за ним. Мебель в комнате была вся передвинута, полки сняты со стен, ящики выдвинуты, словно леди второпях рылась в них перед тем, как поки-

нуть дом. Холмс бросился к камину, сорвал небольшую панель со стены рядом с шнурком звонка, сунул в открывшийся тайник руку и извлек оттуда фотографию и письмо. На фотографии была запечатлена Ирен Адлер в вечернем платье. Письмо было подписано: «Шерлоку Холмсу, эсквайру». Мой друг вскрыл конверт, и мы втроем принялись читать письмо, датированное минувшей ночью, было указано и время: полночь. Вот что в нем говорилось:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Вы все проделали прекрасно. Вам удалось меня провести. Я ни о чем не догадывалась до тех пор, пока не подняли тревогу о пожаре. Но потом, поняв, что я себя выдала, я начала думать. Несколько месяцев назад меня предупредили, что мы с Вами можем встретиться, и дали Ваш адрес. Мне сказали, что, если король решит нанять частного сыщика, он непременно обратится именно к Вам. И все же Вам удалось заставить меня открыть то, что Вы хотели узнать. Даже после того, как я заподозрила неладное, мне было трудно поверить, что тем милым добрым священником были Вы. Но, знаете, я ведь сама актриса. Носить мужской костюм я привыкла. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Послав кучера Джона следить за Вами, я побежала наверх, переделалась в прогулочную одежду, как я ее называю, и спустилась как раз тогда, когда Вы вышли из дома.

Я проследовала за Вами до вашей двери и убедилась, что мною действительно заинтересовался знаменитый Шерлок Холмс. Потом я довольно неблагоприятно пожелала Вам спокойной ночи и направилась в Темпл к мужу. Вместе с ним мы решили, что, имея такого сильного противника, как Вы, нам лучше всего бежать из страны, так что завтра, наведавшись ко мне, Вы увидите, что гнездо опустело. Что касается фотографии, Ваш клиент может быть спокоен. Я люблю и любима человеком достойнее, чем он. Король может делать то, что ему заблагорассудится, не опасаясь препятствий со стороны той, кого он жестоко обманул. Фотографию я оставляю у себя с единственной целью – обеспечить собственную безопасность, это оружие защитит меня от тех действий, которые он, возможно, решит предпринять в будущем. Взамен я оставляю другую фотографию, которую он, может быть, захочет оставить себе. Я же, дорогой мистер Шерлок Холмс, остаюсь искренне Вашей.

Ирен Нортон, урожденная Адлер».

– Какая женщина! Какая женщина! – вскричал король, когда мы дочитали это послание. – Разве я не говорил вам, как она умна и решительна! Из нее вышла бы замечательная королева. Разве не жаль, что она мне не ровня?

– Судя по тому, что я успел узнать, она действительно не ровня Вашему Величеству, – холодно сказал Холмс. – Прошу прощения, что мне не удалось добиться большего успеха в деле Вашего Величества.

– Напротив, дорогой сэръ! – сказал король. – Большого успеха и не надо. Я знаю, что ее слово нерушимо. Теперь можно не бояться этой фотографии, она так же безопасна, как если бы сгорела.

– Я очень рад, что Ваше Величество так считает.

– Моя благодарность не знает границ. Прошу, скажите, как я могу отблагодарить вас? Думаю, этот перстень... – Он стянул с пальца украшенный изумрудом золотой перстень и протянул его на раскрытой ладони Холмсу.

– У Вашего Величества есть вещь, которая для меня будет иметь большую ценность, – сказал Холмс.

– Вам нужно только назвать ее.

– Эта фотография!

Король изумленно уставился на него.

– Фотография Ирен? – переспросил он. – Конечно, если вы так хотите, она ваша.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Думаю, дело можно считать закрытым. На этом позвольте попрощаться и пожелать вам всего доброго. – С этими словами Холмс, не заметив протянутой королем руки, развернулся и направился к выходу. Я последовал за ним.

Такова история о том, как королевскому семейству Богемии удалось избежать ужасного скандала, и о том, как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской смекалкой. Раньше он частенько острил относительно женского ума, но после этого происшествия подобных шуток я от него не слышал. Теперь всякий раз, когда Холмс говорит об Ирен Адлер или о ее фотографии, я слышу, какого уважения преисполнен его голос, произносящий слова «Эта Женщина».

Дело II. Союз рыжих

Однажды осенью прошлого года я, зайдя к своему другу Шерлоку Холмсу, застал его за беседой с немолодым краснолицым джентльменом плотного телосложения, волосы которого были необычайно яркого рыжего цвета. Извинившись за вторжение, я хотел было уйти, но Холмс чуть ли не силой втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Дорогой Ватсон, вы пришли как нельзя более вовремя, – радушно сказал он.

– Но я подумал, что вы заняты.

– Занят, и даже очень.

– Так я могу подождать в другой комнате.

– Ни в коем случае. Мистер Вилсон, – обратился он к своему гостю, – с этим джентльменом мы много раз работали вместе, он помогал мне во многих моих самых успешных делах. Я не сомневаюсь, что и в вашем деле его помощь также может оказаться чрезвычайно полезной.

Толстяк привстал со стула и кивнул в знак приветствия. Его маленькие, теряющиеся на заплывшем жиром лице глазки недоуменно блеснули.

– Устраивайтесь на диване, – предложил мне Холмс, сам же опять уселся в свое любимое кресло и сложил перед собой кончики пальцев, как делал всегда, когда собирался кого-то слушать. – Ватсон, я знаю, что вы, как и я, любите все необычное и выходящее за рамки повседневной рутины. Если бы это было не так, вы не проявили бы такого рвения, описывая мои скромные приключения, хотя, если честно, по-моему, вы несколько приукрашиваете мою деятельность.

– Ваш талант действительно вызывает у меня восхищение и интерес, – заметил я.

– Вы наверняка помните, как недавно, как раз перед тем, как мы взялись за оказавшееся совсем простым дело мисс Мэри Сазерленд, я говорил, что любая фантазия или игра воображения не идет ни в какое сравнение с теми удивительными и фантастическими случаями, которые встречаются в реальной жизни.

– И с этим утверждением я позволил себе не согласиться.

– Не согласились, доктор, но вам все равно придется принять мою точку зрения, поскольку в противном случае я начну перечислять столько фактов, что не закончу до тех пор, пока вы вынуждены будете признать, что я прав. Вот, например, мистер Джабез Вилсон сейчас пришел ко мне с интереснейшей историей. Я уже давно не слышал такого удивительного рассказа. Я много раз говорил, что самыми сложными и необычными чаще всего бывают не серьезные и громкие, а мелкие преступления, когда даже не совсем понятно, совершено ли вообще правонарушение. Судя по тому, что мне известно на данный момент, я не могу однозначно утверждать, является ли это дело преступлением или нет. Мистер Вилсон, я был бы вам очень признателен, если бы вы повторили свой рассказ. Дело не только в том, что мой друг доктор Ватсон не слышал начала истории, но и в том, что дело это настолько необычное, что я хотел бы лишней раз обратить внимание на все, даже мельчайшие подробности. Как правило, как только мне начинают описывать то или иное происшествие, в моей памяти тут же всплывают тысячи подобных случаев, но сейчас я вынужден признать, что ваше дело уникально.

Тучный клиент Холмса не без гордости расправил плечи и достал из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету. Когда он расправил газету на коленях и низко опустил голову, вчитываясь в колонку объявлений, я получил возможность его хорошенько рассмотреть. Мне захотелось с помощью метода Холмса по одежде и внешности этого человека понять, что он из себя представляет, чем занимается, какой у него характер. Увы, внешний осмотр почти не принес результатов. Посетитель наш был самым обычным английским тор-

говцем: тучный, напыщенный, неторопливый. На нем были свободные серые брюки в мелкую клетку, расстегнутый на груди не слишком опрятный черный сюртук и желтовато-серый жилет с тяжелой медной цепочкой, на которой болтался просверленный посередине какой-то металлический квадратик. На стуле рядом с ним лежали светло-коричневое пальто с мятым бархатным воротником и старый потертый цилиндр. В общем, как показалось мне, в этом человеке не было ровным счетом ничего примечательного, кроме его огненно-рыжих волос и выражения крайней досады и растерянности на лице.

От глаз Шерлока Холмса не укрылось мое занятие. Увидев мое замешательство, он улыбнулся и покачал головой.

– Я о нем ничего не могу сказать, кроме очевидного: когда-то этот человек занимался физическим трудом, предпочитает нюхательный табак, он масон, бывал в Китае и в последнее время много пишет.

Мистер Джабез Вилсон встрепенулся. Палец, которым он водил по газетным строчкам, замер, а взгляд устремился на Холмса.

– Святые небеса, откуда вы все это узнали? – ошеломленно спросил он. – Как, например, вы догадались, что я занимался физическим трудом? Это сущая правда, я ведь, действительно, начинал судовым плотником.

– По вашим рукам, дорогой мой сэра. Правая рука у вас крупнее левой. Именно ею вы работали, поэтому мышцы на ней развиты сильнее.

– Ну хорошо, а нюхательный табак, а масонство^[20]?

– О, догадаться об этом было так легко, что тут и рассказывать нечего. Особенно если учесть, что вы, в нарушение строгих правил ордена, носите брошь с изображением арки и циркуля.

– Ах да, как я не догадался! Ну, а то, что я пишу?

– На что же еще могут указывать лоснящаяся полоса шириной пять дюймов у вас на правом рукаве и потертость у локтя на левом рукаве, в том месте, которым вы опираетесь о стол?

– Хорошо, а как вы узнали про Китай?

– Татуировка рыбы у вас на правом запястье могла быть сделана только в Китае. Я какое-то время изучал татуировки и даже кое-что написал на эту тему. То, как чешуя рыбы окрашена более светлыми чернилами, характерно для китайской школы татуировки. Ну, а когда я увидел у вас на цепочке часов китайскую монету, тут уж все стало окончательно ясно.

Мистер Джабез Вилсон громко рассмеялся.

– Надо же! – сказал он. – А мне-то поначалу показалось, что вы просто волшебник какой-то. Вот, оказывается, как все просто!

– Ватсон, – повернулся ко мне Холмс. – Я начинаю думать, что мне стоит отказаться от объяснений. Как говорится, «*Omne ignotum pro magifico*»². Я рискую потерять имя, если не перестану откровенничать. Вы нашли нужное объявление, мистер Вилсон?

– Ага, вот, – ткнул толстяк пухлым рыжим пальцем в середину колонки. – Как раз нашел. Вот с чего все началось. Сэр, лучше прочитайте его сами.

Я взял у него газету и прочитал:

«СОЮЗ РЫЖИХ. В соответствии с завещанием покойного Иезекии Хопкинса, проживавшего в городе Лебанон, Пенсильвания, США, открыта новая вакансия для членов союза. Должность номинальная, оклад – 4 фунта стерлингов в неделю. Приглашаются все рыжеволосые, здоровые физически и психически люди старше двадцати одного года. Обращаться

² Все неизвестное представляется величественным – фраза из книги «Жизнь и нравы Юлия Агрипполлы», римского историка Тацита (ок. 58 – ок. 117).

к Дункану Россу в контору Союза, в понедельник, в одиннадцать часов, по адресу Флит-стрит, Попс-корт, 7».

– Что, скажите на милость, это значит? – воскликнул я, дважды перечитав объявление.

Холмс тихонько засмеялся и заерзал в кресле – верный признак того, что у него хорошее настроение.

– Несколько необычно, не так ли? – сказал он. – А теперь, мистер Вилсон, мы готовы слушать вас. Расскажите нам все о себе, о вашей семье и том, как это объявление повлияло на вашу жизнь. Но сначала вы, доктор, обратите внимание на название газеты и дату ее выхода.

– «Морнинг кроникл», 27 апреля 1890 года^[21]. Прошло уже два месяца.

– Очень хорошо. Мистер Вилсон, прошу вас.

– Ну, как я уже говорил, – начал Джабез Вилсон, потирая лоб, – я держу небольшой ломбард на Кобург-сквер, рядом с Сити. Заведение небольшое и в последние годы никакого дохода не приносит. Раньше я держал двух работников, теперь оставил одного. Мне бы и с ним пришлось распрощаться, но, чтобы продолжать учиться профессии, он согласен работать за половину оклада.

– Как же зовут этого трудолюбивого молодого человека? – спросил Шерлок Холмс.

– Винсент Сполдинг. И он не так уж молод. Не берусь точно определить его возраст, но он отлично справляется со своими обязанностями. Лучшего помощника мне и не нужно, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что с его расторопностью он мог бы зарабатывать вдвое больше, чем плачу ему я, но, если его все устраивает, зачем мне сбивать его с толку?

– И правда, зачем? Вам, похоже, повезло заполучить хорошего работника за небольшие деньги. В наше время это случается нечасто. Хотя я, конечно, не знаю, действительно ли он так хорош, как вы его описываете.

– Ну, у него, разумеется, есть и недостатки, – сказал мистер Вилсон. – Например, его увлечение фотографией, я считаю, переходит всяческие границы. Он повсюду шныряет со своим аппаратом, а потом мчит в подвал, как заяц в нору, проявлять снимки. Мне это не нравится, но, в общем, он хороший работник. Ответственный, без гонора.

– Он, надо полагать, и сейчас у вас работает?

– Да, сэр. Он и девушка четырнадцати лет, которая готовит и прибирается в доме, вот и все мое окружение. Видите ли, я вдовец, детей у меня нет. Мы втроем живем очень тихо, сами содержим свой дом, в долги стараемся не влезать. Но тут появилось это объявление. Ровно восемь недель назад Сполдинг вошел в контору с этой самой газетой в руках и сказал:

– Мистер Вилсон, какая жалость, что я не рыжий.

– Это еще почему? – спрашиваю я.

– Да вот, – говорит, – в Союзе рыжих новая вакансия. Платят огромные деньги. Вот повезет тому, кто туда устроится! Похоже, вакансий там больше, чем людей, и хозяева просто не знают, на что тратить свои деньги. Если бы только мои волосы могли по моей воле менять цвет, уж я бы не упустил такого случая.

– Расскажите-ка, что это за история такая? – спросил я.

Видите ли, мистер Холмс, я ужасный домосед. Поскольку работа у меня такая, что никуда ходить не надо, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по несколько недель не высовываю носа из дому и не знаю, что творится вокруг. Поэтому мне всегда интересно услышать какие-нибудь новости.

– Вы что, никогда не слышали о Союзе рыжих? – удивился он.

– Никогда.

– Надо же! А ведь вы сами могли бы туда устроиться.

– И что, у них можно хорошо заработать? – спросил я.

– Ну, вообще-то, не так уж много, пару сотен в год, зато и делать ничего особо не надо, и никто в твои дела не сует носа.

Я думаю, вы понимаете, как я наострил уши, ведь у меня-то последние несколько лет дело не клеится и лишняя пара сотен была бы очень кстати.

– Расскажите-ка подробнее про этот Союз, – попросил его я.

– Да вот, – он сунул мне газету и показал объявление, – сами можете убедиться, у них появилось свободное место. Тут и адрес указан, так что, если хотите разузнать все подробнее, сходите туда. Мне только известно, что Союз был основан эксцентричным американским миллионером Иезекией Хопкинсом. Он сам был рыжим и очень сочувственно относился ко всем рыжим. Когда Хопкинс умер, оказалось, что он поручил своим доверенным лицам огромное состояние пустить на то, чтобы обеспечивать хорошими рабочими местами рыжеволосых. Судя по тому, что я слышал, платят им прекрасно, а делать почти ничего не надо.

– Но ведь на такое объявление наверняка откликнутся миллионы людей, – сказал я.

– Нет, – возразил он. – Работа предоставляется только лондонцам и только совершеннoletним. Этот американец начинал в Лондоне и хотел облагодетельствовать этот старый город. К тому же мне рассказывали, что на работу не принимаются ни светло-рыжие, ни темно-рыжие, только те, у кого волосы настоящего огненного ярко-рыжего цвета. Вот вы, мистер Вилсон, если бы захотели, подошли бы идеально. Но вам-то, наверное, из-за какой-то пары сотен не захочется тратить свое время.

Да, джентльмены, как видите, волосы у меня действительно очень насыщенного и яркого цвета. Я и подумал, что если бы дошло до какого-нибудь конкурса, у меня шансов было бы больше, чем у кого бы то ни было. В общем, я решился. Откладывать дело в долгий ящик я не стал, велел закрыть ставни и отправился по адресу, указанному в объявлении. Винсент Сполдинг так много знал обо всем этом, что я решил и его прихватить с собой на всякий случай. Надо сказать, неожиданный выходной его очень обрадовал. Знаете, мистер Холмс, я еще никогда не видел такой удивительной картины. Со всех сторон по объявлению стекались люди, в волосах которых был хоть какой-то намек на рыжину. Флит-стрит была просто забита рыжими, а Попс-корт стал похож на огромный прилавок торговца апельсинами. Я не думал, что во всей Англии живет столько рыжих, сколько собралось по одному этому объявлению! Там были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, были волосы с подпалинами, как у ирландского сеттера, приехали даже шатены и русые, но, как и говорил Сполдинг, настоящих огненно-рыжих голов было не много. Когда я увидел все это море людей, я хотел развернуться и уйти, но Сполдинг меня удержал. Как это ему удалось, не знаю, но он стал пробиваться, работать локтями, протискиваться, и в конце концов мы с ним прошли через толпу и оказались прямо у лестницы, ведущей в контору. Здесь люди двигались двойным потоком: в одном люди поднимались в надежде получить заветное место, в другом – разочарованно спускались. Мы каким-то образом протиснулись вперед и через какое-то время оказались в конторе.

– Забавная история с вами приключилась, – заметил Холмс, когда его клиент ненадолго замолчал, чтобы освежить память огромной понюшкой табаку. – Прошу, продолжайте, нам крайне интересно узнать, что же дальше.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и письменного стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он задавал пару вопросов каждому из подходивших и непременно находил какой-нибудь предлог, чтобы отказать. Как оказалось, получить место было вовсе не так уж просто. Однако, когда очередь дошла до нас, человечек повел себя по-другому. Когда мы вошли, он закрыл за нами дверь, чтобы беседовать без посторонних.

– Это мистер Джабез Вилсон, – представил меня мой помощник. – Он хотел бы получить место в Союзе.

– И он идеально подходит нам, – ответил служащий. – Он отвечает всем нашим требованиям. Не помню, когда в последний раз видел такую красоту.

Он отошел на шаг и, склонив голову набок, стал рассматривать мои волосы так, что мне, честно говоря, даже сделалось немного неловко. Потом он неожиданно шагнул ко мне, схватил мою руку, затряс ее и горячо поздравил с успехом.

– Колебаться не имеет смысла, – сказал он. – Вы, я уверен, простите меня за то, что мне придется принять кое-какие меры предосторожности.

С этими словами он вцепился обеими руками мне в волосы и потянул, да так сильно, что я даже вскрикнул от боли.

– У вас на глазах выступили слезы, – воскликнул он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Понимаете, нам приходится быть начеку: нас уже дважды обманули при помощи париков и один раз – при помощи краски. Я мог бы вам такого порассказать о человеческой хитрости и лживости, что вы навсегда утратили бы уважение к людям.

Он подошел к окну и во весь голос закричал, что место уже занято. С улицы донесся разочарованный стон толпы. Люди стали расходиться, и вскоре во всей округе не осталось ни одного рыжего, кроме меня и служащего конторы.

– Меня зовут мистер Дункан Росс, – представился он. – И я сам являюсь пенсионером фонда нашего многоуважаемого благодетеля. Вы женаты, мистер Вилсон? У вас есть дети?

Я ответил, что нет.

Он тут же изменился в лице.

– Черт побери, – мрачно произнес он. – Это очень нехорошо. Как жаль. Фонд ведь и создавался в первую очередь для того, чтобы рыжих становилось все больше, с этой целью мы их и поддерживаем материально. То, что вы – холостяк, очень, очень нехорошо.

Тут, мистер Холмс, я решил, что вакансии мне, скорее всего, не видать, но, подумав какое-то время, он все-таки сказал, что все обойдется.

– Знаете, если бы на вашем месте был кто-нибудь другой, – заявил он, – это досадное обстоятельство оказалось бы решающим, но для человека с такими волосами, как у вас, мы сделаем исключение. Когда вы сможете приступить к исполнению своих новых обязанностей?

– Понимаете, мне несколько неловко, но у меня еще есть свое дело, – сказал я.

– Ничего страшного, мистер Вилсон! – заявил Винсент Сполдинг. – Я могу вас подменить.

– А в какое время нужно будет работать? – спросил я.

– С десяти до двух.

Должен вам сказать, мистер Холмс, что у нас, ростовщиков, вся основная работа приходится на вечер, особенно по четвергам и пятницам, за день до выплат, поэтому я решил, что неплохо бы мне немного подзаработать по утрам. К тому же я знал, что у меня есть распорочный помощник, который всегда меня заменит.

– Это меня вполне устраивает, – сказал я. – А как с оплатой?

– Четыре фунта в неделю.

– И что мне нужно будет делать?

– О, работа чисто номинальная.

– Что вы имеете в виду?

– Вам просто необходимо будет все время находиться в конторе или хотя бы в этом здании. Если уйдете – потеряете место. В завещании об этом особенно четко сказано. Если в рабочее время вы покинете контору, это будет означать, что вы не выполнили наших требований.

– Речь ведь идет лишь о четырех часах в день. Думаю, я справлюсь.

– Никакие уважительные причины не принимаются, – сказал мистер Дункан Росс. – Ни болезни, ни дела, ничего. Вы либо находитесь на месте, либо теряете должность.

– Так что же мне нужно будет делать?

– Переписывать «Британскую энциклопедию». Вот первый том. Вам необходимо иметь при себе чернила, перья и бумагу. Работать будете за этим столом. Завтра можете приступить?

– Конечно, – ответил я.

– Тогда всего доброго, мистер Джабез Вилсон, и позвольте еще раз поздравить вас с удачным вступлением в должность.

Мы раскланялись, и по пути домой меня охватила такая радость, что я просто не понимал, что делать, не мог даже толком ничего сказать своему помощнику. Весь день я размышлял над тем, что произошло, и под вечер настроение мое снова ухудшилось. Я убедил себя в том, что все это – какая-то гигантская афера или мистификация, хотя мне было совершенно непонятно, с какой целью кому-то нужно было ее затевать. Кроме того, мне стало казаться совершенно невероятным, чтобы кто-нибудь действительно оставил подобное завещание и что мне действительно будут платить такие деньги за такую ерундовую работу, как переписывание «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался приободрить меня, но, ложась спать, я уже твердо решил, что не стану впутываться в это сомнительное дело. Однако наутро я все же подумал, что стоит хотя бы раз туда сходить, осмотреться. Я купил за пенни пузырек чернил, перо, семь листов писчей бумаги и направился в Попс-корт.

И, что бы вы думали, оказалось, что меня не обманывали. Я очень удивился и обрадовался, когда увидел приготовленное для меня рабочее место и мистера Дункана Росса, который дожидался моего прихода. Он тут же выдал мне первый том и велел начинать с буквы «А», после чего ушел, но потом время от времени приходил справляться, как у меня идут дела. В два часа он похвалил меня за то, как много я успел сделать, попрощался и запер за мной дверь конторы. Так шло изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу он выложил передо мной четыре золотых соверена за неделю работы. Так же прошла и следующая неделя, и та, которая была после нее. Каждый день я был на месте в десять и каждый день уходил в два. Постепенно мистер Дункан Росс начал навещать меня все реже, потом и вовсе перестал. Но я, конечно же, все равно не решался покидать кабинет даже на секунду, потому что мой работодатель мог нагрязнеть в любой момент, а работа была такой хорошей и так меня устраивала, что мне очень не хотелось ее потерять.

Так прошло восемь недель. Я уже переписал «Аббатов», «Амуницию», «Артиллерию», «Архитектуру» и «Аттику»^[22] и надеялся в скором времени приступить к следующей букве алфавита. Надо сказать, я исписал целую гору бумаги. Мои рукописи заняли почти целую полку, но тут всему пришел конец.

– Конец?

– Да, сэр. И случилось это не далее как сегодня утром. Я, как обычно, пришел на работу ровно в десять, но увидел, что дверь в контору заперта на ключ. Прямо посередине двери была прикреплена кнопкой картонка с объявлением. Вот она, можете сами прочитать.

Он протянул кусочек плотной бумаги размером с лист записной книжки, на котором было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ
РАСПУЩЕН.
9 октября 1890 года

Мы с Холмсом уставились на это короткое объявление и скорбное лицо посетителя, но постепенно комическая сторона ситуации возобладали над всеми остальными чувствами, и мы разразились неудержимым смехом.

– Не понимаю, что тут смешного? – вспыхнул наш рыжеволосый клиент и стал подниматься. – Если вы вместо помощи собираетесь надо мной насмеяться, я могу обратиться к кому-нибудь другому.

– Нет-нет! – бросился усаживать его Холмс. – Ваше дело настолько необычно, что я ни за что на свете не отказался бы от него. Просто есть в нем нечто, если позволите так выразиться, забавное. Прошу вас, расскажите, что вы сделали после того, как увидели эту вывеску на двери?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Потом мне пришла в голову мысль зайти в соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец я пошел к домовладельцу (он бухгалтер, живет на первом этаже) и попросил его рассказать, что случилось с Союзом рыжих. Он сказал, что никогда не слышал о таком обществе. Тогда я спросил, кто же такой Дункан Росс. Он ответил, что это имя ему не знакомо.

– Ну как же, – сказал я, – джентльмен из четвертой квартиры.

– А, это рыжий джентльмен?

– Да.

– Так его зовут Уильям Моррис, – объяснил он. – Он адвокат, временно снимал у меня помещение, пока не будет готова его новая контора. Вчера он выехал.

– Где же его найти?

– В его новой конторе, очевидно. Он и адрес мне назвал. Да, Кинг-Эдуард-стрит, 17, рядом с собором Святого Павла.

Я тут же направился по указанному адресу, мистер Холмс, но когда я туда добрался, оказалось, что в этом доме расположена какая-то протезная мастерская и никто там и слыхом не слыхивал ни про мистера Уильяма Морриса, ни про мистера Дункана Росса.

– Что же вы предприняли после этого? – спросил Холмс.

– Ничего. Вернулся домой на Сакс-Кобург-сквер и рассказал обо всем своему помощнику. Конечно, ничем помочь он не мог, предположил только, что, наверное, меня известят по почте. Но меня это не удовлетворило. Я не хочу просто так лишаться этого места. Я слышал, что вы помогаете советом людям, которые попадают в неприятные ситуации, поэтому сразу пришел к вам.

– И поступили очень мудро, – сказал Холмс. – Ваше дело уникально, я с радостью им займусь. Из того, что вы сообщили, я делаю вывод, что все это может закончиться серьезнее, чем могло показаться вначале.

– Куда уж серьезнее! – вздохнул Джабез Вилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Что касается вас лично, – заметил Холмс, – мне кажется, что вам не стоит так уж расстраиваться из-за этого странного общества. Наоборот, благодаря ему, если я правильно понимаю, вы сделали богаче примерно на тридцать фунтов, не говоря уж о том, что приобрели обширнейшие знания о предметах, названия которых начинаются на букву «А». Вы ведь ничего не потеряли?

– Ничего, сэр. Но я хочу узнать, что это были за люди и зачем им понадобилось так надо мной... шутить. Если это была шутка, то очень дорогая, она обошлась им в тридцать два фунта.

– Мы попытаемся найти ответы на ваши вопросы. Но сначала я хотел бы кое-что спросить у вас, мистер Вилсон. Этот ваш помощник, который показал вам объявление в газете... Сколько он у вас проработал?

– На тот момент около месяца.

– Как он к вам попал?

– По объявлению.

– Он был единственным претендентом?

– Нет, пришло человек десять.

– Почему вы выбрали именно его?

– Он показался мне смышленным и был согласен работать за небольшое жалованье.

– На полставки?

– Да.

– Опишите этого Винсента Сполдинга.

– Невысокий, коренастый, очень подвижный, на лице – ни волосинки, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятно от ожога кислотой.

Холмс взволнованно выпрямился.

– Я так и думал, – воскликнул он. – А вы не заметили, у него проколоты мочки ушей?

– Заметил, сэр. Он объяснил, что это сделала цыганка, когда он был еще очень юным.

– Хм! – Холмс задумчиво откинулся на спинку кресла. – Скажите, он все еще работает у вас?

– О да, сэр, он был там, когда я уходил к вам.

– А как шли дела в вашем ломбарде, пока вас не было?

– Да все как обычно. У нас ведь по утрам всегда затишье.

– Ну что же, мистер Вилсон, думаю через день-два я буду иметь удовольствие сообщить вам свои соображения по этому делу. Сегодня суббота, надеюсь, к понедельнику мы все будем знать.

– Ватсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Я ничего не понимаю, – откровенно признался я. – Для меня это полнейшая загадка.

– Как правило, – сказал Холмс, – чем более странным кажется дело, тем проще оно оказывается. Сложнее всего раскрывать заурядные, ничем не примечательные преступления, так же, как труднее всего распознать в толпе лицо, лишенное особых примет. Но с этим случаем нужно разобраться побыстрее.

– И что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Это задача на три трубки. Я был бы вам очень признателен, если бы вы минут пятьдесят со мной не разговаривали.

Он сел поглубже в кресло, подтянул ноги к своему орлиному носу и, закрыв глаза, замер. Его черная глиняная трубка походила на клюв какой-то невиданной птицы. Вскоре мне начало казаться, что он заснул, я и сам стал клевать носом, но тут он неожиданно ударил ладонью по подлокотнику кресла, как человек, пришедший к окончательному решению, вскочил и положил свою трубку на каминную полку.

– Сегодня в Сент-Джеймс-Холле играет Сарасате^[23], – сказал он. – Что скажете, Ватсон? Ваши пациенты отпустят вас на несколько часов?

– Сегодня я без работы. У меня не слишком большая практика.

– Тогда надевайте шляпу. Идем. Сперва мне нужно заглянуть в Сити, а по дороге где-нибудь пообедаем. В программе много немецкой музыки, а она мне больше по душе, чем итальянская или французская. Немецкая музыка заставляет думать, а это как раз то, что мне сейчас нужно. Вы готовы?

Мы доехали на подземке до станции «Олдерсгет», а оттуда дошли пешком до Сакс-Кобург-сквер, того места, где разворачивались события, о которых рассказали нам сегодня утром. Это была небольшая площадь, за внешней опрятностью которой проглядывали убогость и нищета удаленного от центра района. С четырех сторон к ней сходились ряды грязно-серых двухэтажных кирпичных зданий. Они упирались в небольшую огороженную заборчиком площадку, поросшую неухоженной травой и чахлыми лавровыми кустами, которые задыхались в удушливом, насыщенном дымом и копотью воздухе. Три позолоченных шара и коричневая вывеска с белыми буквами «Джабес Вилсон», висящая на углу, указывали, где находилось заведение нашего рыжеволосого клиента.

Шерлок Холмс остановился перед этим домом и, склонив голову набок, окинул внимательным взглядом фасад здания. Я заметил, как азартно блестели его глаза из-под полуприкрытых век. Потом он медленно прошел чуть дальше по улице, осматривая соседние дома, вернулся к углу, где два-три раза громко ударил тростью по мостовой, наконец подошел к двери ломбарда и постучал. Дверь тут же распахнулась, и чисто выбритый молодой человек с ясным взглядом пригласил его войти.

– Спасибо, – сказал Холмс. – Я только хотел спросить, как пройти до Стрэнда.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – не задумываясь ответил юноша и захлопнул дверь.

– Удивительный малый, – заметил Холмс, когда мы зашагали по улице. – По моей оценке это четвертый умнейший человек в Лондоне, если не третий. Я и до этого случая кое-что о нем слышал.

– По-моему, очевидно, – сказал я, – что помощник мистера Вилсона тесно связан с этим загадочным Союзом рыжих. И вы наверняка проделали весь этот путь, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– А на что?

– На его колени.

– И что же вы увидели?

– То, что и ожидал.

– А зачем вы ударили тростью по мостовой?

– Дорогой доктор, сейчас время наблюдать, а не разговаривать. Мы с вами – лазутчики на вражеской территории. Сакс-Кобург-сквер мы увидели, давайте теперь взглянем на то, что находится за ней.

Улица, на которую мы вышли с Сакс-Кобург-сквер, свернув за угол, так же разительно отличалась от площади, как лицевая сторона картины отличается от обратной. Здесь проходила одна из основных городских артерий, ведущая из Сити на север и запад. Дорога была сплошь забита грузовым транспортом, движущимся двумя нескончаемыми рядами в противоположных направлениях, тротуары черны от толп спешащих пешеходов. Трудно представить, что за фасадами роскошных магазинов и солидных деловых контор, которые предстали нашему взгляду, скрываются грязные и безлюдные трущобы, наподобие той площади, с которой мы только что вышли.

– Одну минутку, – сказал Холмс, остановившись на углу и глядя вдоль улицы. – Хочу запомнить, в каком порядке здесь идут дома. Изучать лондонские улицы – мое любимое занятие. Табачный магазин Мортимера, газетная лавка, кобургское отделение «Сити-и-Сабербен Бэнк», вегетарианский ресторан и каретное депо Мак-Фарлейна. Дальше следующий квартал. Ну что же, доктор, работу мы выполнили, теперь можно и отдохнуть. Сначала съедим по бутерброду, выпьем кофе, а потом нас ждет мир скрипичной музыки, где все прекрасно, утонченно, гармонично и где ни один рыжий клиент не потревожит нас своими загадками.

Мой друг был увлеченным музыкантом, причем не только превосходным исполнителем, но и несомненно талантливым сочинителем. Весь концерт он просидел со счастливым лицом, водя в воздухе длинными тонкими пальцами в такт музыке, и, глядя на эту улыбку, на полужакрытые затуманенные глаза, не верилось, что это тот самый Шерлок Холмс, безжалостный, холодный и расчетливый сыщик, которого как огня боится весь преступный мир Лондона. В этом удивительном человеке уживалось два совершенно разных характера, и его всепоглощающая страсть к точности и прозорливость, как мне часто казалось, были своего рода ответной реакцией на то вдохновенное и созерцательное состояние, которое порой охватывало его. Подобная двойственность часто бросала его из одной крайности в другую. Он мог целыми днями сидеть в своем любимом кресле, играя на скрипке или изучая ста-

ринные книги, но потом непременно наступал миг, когда моего друга охватывало жгучее желание действовать, и тогда его исключительный дар делать общие выводы на основании частных достигал таких высот, что люди, мало знакомые с его методами, начинали смотреть на него как на существо, наделенное сверхъестественным разумом. Когда в тот день я, сидя в зале Сент-Джеймс-Холла, наблюдал за этим поглощенным музыкой человеком, я чувствовал, что тех, за кем он охотится, ждут великие беды.

– Вам уже наверняка хочется поскорее домой, доктор, – заметил он, когда мы вышли из концертного зала.

– Если честно, то да.

– А у меня еще одно дело на несколько часов. Это происшествие с нашим рыжим клиентом меня очень беспокоит.

– Почему же?

– Готовится крупное преступление. У меня есть все основания надеяться, что мы успеем предотвратить его, но то, что сегодня суббота, сильно усложняет дело. Сегодня вечером мне понадобится ваша помощь.

– В котором часу?

– Думаю, часов в десять, не раньше.

– В десять я буду на Бейкер-стрит.

– Прекрасно. Да, и еще одно. Захватите свой армейский револьвер, дело может оказаться опасным. – Он помахал рукой, повернулся и растворился в толпе.

Я не считаю себя глупее окружающих, но, когда я имею дело с Холмсом, меня постоянно преследует ощущение собственной тупости. Казалось бы, я видел и слышал все то же, что видел и слышал он, однако очевидно, что он не только ясно представлял себе, что произошло, но и то, что должно произойти. Мне же все это дело по-прежнему представлялось неразрешимой загадкой.

По дороге домой в Кенсингтон я еще раз припомнил все известные мне обстоятельства этого дела, начиная с поразительного рассказа рыжего переписчика «Британской энциклопедии» и заканчивая нашим визитом на Сакс-Кобург-сквер и зловещими словами, сказанными на прощанье Холмсом. Что за ночная экспедиция нас ожидает и почему мне нужно прийти с оружием? Куда нам предстоит отправиться и что мы будем делать? Холмс намекнул, что этот безусый помощник ростовщика не так прост, как кажется, и способен на крупное преступление. Я долго пытался понять, какова его роль в этом деле, но у меня ничего не вышло, и я решил больше не думать об этом, а ждать ночи, которая даст ответы на все вопросы.

В четверть десятого я вышел из дому и через парк и Оксфорд-стрит попал на Бейкер-стрит. У входа стояли два хэнсома³. Зайдя в прихожую, я услышал наверху голоса. Холмс в своей комнате беседовал с двумя мужчинами. Одного из них я узнал – это был Питер Джонс, следователь из полиции, второй был высоким худым джентльменом с печальным лицом, в сверкающем цилиндре и вызывающе безукоризненном фраке.

– Ну, вот мы и в сборе, – сказал Холмс, застегивая теплую матросскую куртку, и снял висевший на стене тяжелый охотничий хлыст. – Ватсон, с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда, вы, кажется, знакомы? Позвольте представить вам мистера Мерриюзера, в сегодняшнем ночном приключении он составит нам компанию.

– Снова охотимся вместе, доктор, – с обычным многозначительным видом сказал Джонс. – Наш друг – отличный егерь. Все, что ему нужно, это старая гончая, чтобы преследовать дичь.

– Надеюсь, мы собрались не для того, чтобы поохотиться на гусей, – мрачно промолвил мистер Мерриузер.

³ Двухколесный наемный экипаж с крышей, в котором место для кучера находится сзади.

– Сэр, вы можете всецело положиться на мистера Холмса, – важно сказал полицейский. – Методы его, не в обиду будет сказано, несколько умозрительны и оторваны от реальности, но у него есть все задатки хорошего сыщика. Не побоюсь сказать, что пару раз, как, например в том деле об убийстве Шолто и сокровищах Агры, он оказался проворнее даже официальных властей.

– Ну, если вы, мистер Джонс, так считаете, то все в порядке, – с уважением произнес незнакомец. – Однако, признаюсь, мне очень не хватает сегодня карт. Впервые за двадцать семь лет я проведу субботний вечер не за карточным столом.

– Не думаю, что вам когда-нибудь приходилось участвовать в игре с такими большими ставками, как сегодня, – сказал Холмс. – Могу вас уверить, что и сама игра будет намного более захватывающей. Для вас, мистер Мерриуэзер, на кону тридцать тысяч фунтов, а для вас, Джонс, – человек, за которым вы давно охотитесь.

– Джон Клей, убийца, вор, фальшивомонетчик и аферист. Он молод, мистер Мерриуэзер, но уже в совершенстве постиг все премудрости своей профессии. Ни одного другого лондонского преступника мне так не хочется упрятать за решетку, как этого мерзавца. Этот Джон Клей – необычная личность. Его дед был герцогом, состоял в родстве с королевской семьей, сам он учился в Итоне и Оксфорде^[24]. Мозг у него работает так же быстро, как и пальцы. На каждом шагу мы натываемся на его следы, но где искать его самого, мы не знаем. Сегодня он совершает кражу со взломом в Шотландии, а на следующей неделе уже собирает деньги на строительство детского приюта в Корнуэлле^[25]. Я несколько лет иду по его следу, но до сих пор ни разу его не видел.

– Надеюсь, сегодня ночью я буду иметь удовольствие вас познакомить. Я тоже пару раз сталкивался с мистером Джоном Клеем, и я с вами совершенно согласен: он действительно один из самых опасных преступников в Лондоне. Однако уже начало одиннадцатого, нам пора выходить. Вы садитесь в первый хэнсом, а мы с Ватсоном поедem во втором.

Все время поездки Шерлок Холмс был молчалив. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и тихонько напевал мелодии, услышанные сегодня днем. Мы долго блуждали по бесконечному лабиринту освещенных газовыми фонарями улочек, пока наконец не выехали на Фаррингтон-стрит.

– Мы уже почти у цели, – заговорил мой друг. – Сей господин, Мерриуэзер, – директор банка, он лично заинтересован в этом деле. А Джонс, конечно, в своем деле полный тупица, но неплохой парень, и я решил, что сегодня он может нам пригодиться. У него есть одно хорошее качество: абсолютное бесстрашие и бульдожья хватка. Если уж вцепится в кого-нибудь, ни за что не отпустит... Приехали. Они нас уже ждут.

Мы остановились на той самой оживленной улице, на которой уже побывали сегодня утром. Кебы отпустили. Мистер Мерриуэзер провел нас через какой-то коридор и вывел к боковой двери. За дверью оказался еще один небольшой коридор, заканчивающийся тяжелой железной дверью. Наш проводник открыл ее, и мы двинулись дальше по каменной винтовой лестнице вниз, пока не уперлись в очередную массивную дверь. Здесь мистер Мерриуэзер ненадолго остановился, чтобы зажечь фонарь, потом повел нас по темному, пахнущему землей проходу, в конце которого открыл еще одну дверь, и мы вошли в огромный зал или подвал, до потолка забитый какими-то ящиками и большими коробками.

– Да, сверху к вам не пробиться, – заметил Холмс и, подняв над головой фонарь, стал осматриваться вокруг.

– Снизу тоже. – Мистер Мерриуэзер постучал тростью в каменные плиты, которыми был вымощен пол. – Боже, что это? – удивленно воскликнул он. – Звук такой, словно там пустота.

– Прошу вас, как можно меньше шума! – строго посмотрел на него Холмс. – Вы только что поставили под удар успех всего дела. – Могу я попросить вас сесть на одну из этих коробок и ни во что не вмешиваться?

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на краешек ближайшего ящика, а Холмс опустил на колени, достал увеличительное стекло и, подсвечивая себе фонарем, принялся внимательно изучать зазоры между камнями. Очевидно, ему хватило нескольких секунд, потому что он почти сразу вскочил и сунул лупу в карман.

– У нас есть как минимум час времени, – объявил он. – Вряд ли они приступят к делу, пока добрый ростовщик не уляжется спать. Но потом будут действовать стремительно, потому что чем раньше они закончат, тем больше времени у них будет на то, чтобы скрыться. Ватсон, как вы уже наверняка догадались, мы находимся в подвале отделения крупного лондонского банка. Мистер Мерриуэзер – председатель совета директоров, он объяснит вам, почему этим подвалом заинтересовались одни из самых дерзких преступников Лондона.

– В этих ящиках – наше французское золото, – прошептал директор. – Из разных источников мы несколько раз получали предупреждение о том, что его могут попытаться выкрасть.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад мы приняли решение укрепить свои позиции, для чего заняли у Французского банка тридцать тысяч наполеондоров^[26]. Информация о том, что деньги все еще не распакованы и до сих пор хранятся в нашем подвале, просочилась за стены банка. В ящике, на котором я сейчас сижу, лежат две тысячи золотых наполеондоров, переложенных листами свинцовой фольги. Обычно в отделениях банка не хранят такого количества золота, поэтому правление очень беспокоится.

– И правильно делает, – вставил Холмс. – А сейчас настало время привести в исполнение наш небольшой план. Думаю, что уже через час все решится, но пока, мистер Мерриуэзер, нам нужно чем-то прикрыть этот фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что да. У меня в кармане колода карт, и, раз уж нас четверо, я думал, что вы сегодня все же сыграете свой роббер^[27]. Однако, как я вижу, наши враги уже настолько подготовились, что мы не можем рисковать, и свет придется потушить. Но сначала нам нужно решить, кто где будет находиться. Это опасные люди, и, хоть на нашей стороне позиционное преимущество, если мы не будем осторожны, они могут причинить нам немало вреда. Я встану за этим ящиком, вы укроетесь за теми. Когда я освещу их фонарем, сразу же бросайтесь на них. Ватсон, если они начнут стрелять, без колебаний открывайте огонь.

Я положил револьвер со взведенным курком на деревянный ящик, за которым и притаился. Холмс закрыл заслонкой фонарь, и подвал погрузился во мрак. Мы оказались в полной темноте. Лишь запах горячего металла напоминал о том, что фонарь не погашен и, когда будет нужно, свет вспыхнет вновь. Этот мгновенный переход от света к тьме и холодный сырой воздух подземелья произвели на меня тягостное впечатление, тем более что нервы мои от ожидания и без того были напряжены до предела.

– Путь к отступлению у них только один, – прошептал Холмс. – Обрато через дом на Сакс-Кобург-сквер. Джонс, надеюсь, вы сделали то, что я просил?

– У двери дежурит инспектор с двумя офицерами.

– Значит, мы перекрыли все ходы. Больше ни слова. Теперь остается только ждать.

Каким томительным было ожидание! Потом, когда все закончилось и мы обменивались впечатлениями, я выяснил, что прождали мы всего лишь час с четвертью, но там, в темном подвале, мне под конец начало казаться, что наверху ночь уже закончилась и наступил рассвет. Вскоре руки и ноги у меня устали и затекли, потому что я не решался сменить положение. Нервы были натянуты как струны, а слух так обострился, что я даже стал слышать

дыхание своих товарищей, причем я мог отличить тяжелые и глубокие вздохи дородного Джонса от тонких ноток дыхания директора банка. Я сидел скрючившись, глядя в пол, как вдруг уловил проблеск света.

Сначала мне показалось, что по каменной кладке пробежала слабая искра. Но потом светлое пятно стало расти и постепенно превратилось в узкую желтую полоску. В следующую секунду совершенно неожиданно и бесшумно плиты немного раздвинулись и показалась рука, белая, тонкая, будто женская. Пальцы, освещенные бьющим из-под пола сиянием, какую-то минуту ощупывали края образовавшегося отверстия, но вдруг опять исчезли так же быстро, как появились, и опять стало совершенно темно, только едва заметная искорка мелькала в том месте, где между каменными плитами был зазор.

Однако рука исчезла ненадолго. С резким скрипучим звуком одна из широких белых плит перевернулась, оставив открытой квадратную дыру, откуда прорезался свет фонаря. Над краем показалось гладко выбритое, почти мальчишеское лицо. Человек внимательно посмотрел по сторонам, потом, ухватившись за края отверстия, стал медленно подтягиваться. Сначала показались плечи, потом грудь и талия, наконец, он уперся одним коленом в пол и в следующую секунду уже стоял на обеих ногах и помогал выбраться наверх своему спутнику, такому же гибкому и невысокому, с копной огненно-рыжих волос и очень бледным лицом.

– Все чисто, – прошептал первый. – Зубило и мешки не забыл? О, черт! Прыгай, Арчи, прыгай! Я за тобой!

Шерлок Холмс метнулся из своего укрытия и схватил его за воротник. Второй нырнул в лаз, и я услышал звук рвущейся материи – это Джонс успел схватить его за куртку. В свете фонаря сверкнуло дуло револьвера, но в ту же секунду на руку злоумышленника опустился хлыст Холмса, и оружие полетело на каменный пол.

– Сопротивляться бесполезно, Джон Клей, – негромко сказал Холмс.

– Я вижу, – хладнокровно произнес преступник. – Только вот дружка моего вы упустили, хоть вам и осталась на память пола его куртки.

– Ничего, у двери его ждут три человека, – сказал Холмс.

– Да? Вы, похоже, хорошо подготовились. Примите мои комплименты.

– Вы тоже, – ответил Холмс. – Ваша идея с рыжими очень оригинальна и удачна.

– Скоро вы снова встретитесь со своим другом, – сказал Джонс. – По норам он лазает быстрее, чем я. А ну-ка, покажите мне ваши ладошки.

– Я бы попросил вас не прикасаться ко мне своими грязными руками, – бросил пленник, когда на его запястьях защелкнулись наручники. – К вашему сведению, в моих жилах течет королевская кровь. И будьте любезны, обращаясь ко мне, говорите «сэр» и «пожалуйста».

– Хорошо, – Джонс недоуменно посмотрел на него и чуть не рассмеялся. – Тогда не соблаговолите ли вы, сэр, подняться со мной наверх, где уже ждет кеб, который доставит ваше высочество в полицейский участок?

– Так-то лучше, – невозмутимо произнес Джон Клей, важно раскланялся с нами тремя и в сопровождении детектива направился к выходу.

– Мистер Холмс, – произнес мистер Мерриуэзер, когда мы двинулись следом за ними, – я уж и не знаю, как банк может отблагодарить или вознаградить вас. Вы ведь раскрыли и предотвратили одну из самых дерзких и хитрых попыток ограбления на моей памяти.

– У меня были кое-какие свои счета с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – В связи с этим делом у меня возникли определенные затраты, я рассчитываю, что банк возместит мне их, но в остальном для меня лучшей наградой является уникальный опыт, который я приобрел, и то неповторимое впечатление, которое произвел на меня рассказ о Союзе рыжих.

– Видите ли, Ватсон, – приступил к рассказу Шерлок Холмс, когда рано утром на Бейкер-стрит мы сели выпить виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственной целью всей этой затеи с Союзом рыжих и переписыванием энциклопедии было выманить из дома в определенные часы этого простодушного ростовщика. Конечно, добились они этого весьма необычным, но единственным верным способом. В изошренном мозге Клея эта идея наверняка появилась, когда он увидел волосы своего работодателя. Четыре фунта в неделю не могли не соблазнить его, но для злоумышленников это были сущие пустяки, ведь они собирались прибрать к рукам тысячи. Итак, они дают объявление в газету, один мошенник снимает на время рабочее помещение, второй убеждает Вилсона пойти на собеседование, таким образом они добиваются того, что он по утрам стал на несколько часов уходить из дому. Как только я услышал, что помощник согласился работать на полставки, я понял, что ему во что бы то ни стало нужно было заполучить это место.

– Но как вы догадались, зачем они все это затеяли?

– Если бы в доме были женщины, я заподозрил бы обычную интрижку. Но эта версия отпадала. Дело у рыжего ростовщика небольшое, в его доме нет ничего такого, ради чего нужно было бы устраивать столь тщательно продуманную махинацию, требующую к тому же немалых расходов. Значит, они имели в виду нечто, находящееся вне дома. Что же это могло быть? Меня заинтересовало увлечение помощника фотографией, дающее ему возможность часто бывать в подвале. Подвал! Вот оно, недостающее звено. Потом я навел справки об этом загадочном помощнике и узнал, что это один из самых коварных и дерзких преступников в Лондоне. Он не просто так спускался в этот подвал. То, чем он был там занят, требовало несколько часов ежедневной работы на протяжении нескольких месяцев. Что же это могло быть? Мне в голову пришло лишь одно объяснение: он делал подкоп к какому-то другому зданию.

Это все, что мне было известно, когда мы с вами отправились на Сакс-Кобург-сквер. Помнится, вы удивились, когда я постучал по мостовой тростью. Я проверял, куда тянется подвал, в сторону фасада или заднего двора. Оказалось, не в сторону фасада. Потом я позвонил, надеясь, что дверь мне откроет помощник, так и вышло. Наши пути несколько раз пересекались, но в лицо мы друг друга не видели ни разу. Хотя на лицо его я почти и не смотрел. Меня больше интересовали его колени. Вы, наверное, и сами обратили внимание на его помятые и грязные брюки, растянутые на коленях. Их вид доказывал, что он долго возился в земле. Оставалось выяснить, куда мог вести их подкоп. Я зашел за угол, увидел отделение «Сити-и-Сабербен Бэнк», примыкающее к дому нашего знакомого, и понял, что загадка разгадана. Когда вы после концерта поехали домой, я сначала направился в Скотленд-Ярд, потом нанес визит председателю совета директоров банка. Чем это закончилось, вы видели.

– А как вы догадались, что они решат проникнуть в банк именно сегодня ночью? – спросил я.

– Они закрыли контору Союза рыжих, следовательно, надобность в каждодневных отлучках мистера Джабеза Вилсона отпала. Другими словами, подземный ход был закончен. Но им нельзя было тянуть, потому что туннель могли обнаружить, да и золото в любую минуту могли перевезти в другое место. Суббота подходила им больше, чем любой другой день, потому что двух выходных дней им бы хватило, чтобы скрыться с добычей. Поэтому-то я и решил, что они пойдут на дело именно этой ночью.

– Поразительно! – искренне восхитился я. – Такая длинная цепочка, но вы продумали каждое звено и нигде не ошиблись!

– Это дело на некоторое время развеяло мою скуку, – зевнул Холмс. – Увы, я уже снова чувствую ее приближение. Вся моя жизнь – это долгая борьба с обыденностью и рутинной. Подобные задачки помогают мне.

– Вы благодетель рода человеческого, – с чувством сказал я.

Он пожал плечами.

– Ну что ж, может быть, от моей работы и в самом деле есть какой-то прок. Как Гюстав Флобер написал Жорж Санд^[28]: «L’homme c’est rien – L’oeuvre c’est tout»⁴.

⁴ «Человек – ничто, дело – все» (фр.).

Дело III. Установление личности

– Дорогой Ватсон, – сказал Шерлок Холмс, когда мы уютно расположились в придвинутых к камину креслах в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь бесконечно причудливее, чем любое порождение человеческого разума. Мы не в состоянии постичь даже того, в результате каких хитросплетений происходят самые обычные, повседневные вещи. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, выпорхнуть в это окно, пролететь над нашим огромным городом, заглянуть под крыши домов и подсмотреть те удивительные вещи, которые творятся кругом, увидеть странные совпадения, понаблюдать за хитроумными планами, противоречивыми помыслами, всей чехардой событий, которая тянется из поколения в поколение и приводит к самым неожиданным результатам, то вся литература с ее предсказуемыми сюжетами и избитыми приемами показалась бы нам скучной и несостоящей.

– И все же я не согласен с вами, – ответил я. – Те происшествия, о которых пишут в газетах, как правило, достаточно тривиальны и лишены какого-либо интереса. В полицейских отчетах натурализм вообще достигает наивысшей точки, но, надо признать, что вряд ли кто-то назовет их захватывающим или высокохудожественным чтивом.

– Для создания реалистичного эффекта требуется вдумчивый отбор и известная доля сдержанности, – заметил Холмс. – Это как раз то, чего не хватает полицейским отчетам, в которых больше внимания уделяется работе следователей, чем подробностям дела, которые наблюдателя и интересуют в первую очередь. Поверьте, нет ничего более необычного, чем то, что кажется банальным.

Я улыбнулся, выразив некоторое сомнение.

– Конечно же, я понимаю, что заставляет вас так думать, – сказал я. – Ведь вы, как частный сыщик-консультант, к которому обращаются за советом и помощью люди с трех континентов, постоянно имеете дело с необычным и загадочным. Но вот... – Я поднял с пола утреннюю газету. – Давайте проведем небольшую проверку. Возьмем первый попавшийся заголовок. «Жена страдает от жестокости мужа». Здесь полколонки текста, но я могу догадаться, о чем эта статья, даже не читая ее. Наверняка это обычная история: другая женщина, выпивка, толчок, удар, кровоподтеки, сочувствующая сестра или хозяйка дома. Любой, даже самый бесталанный сочинитель придумал бы сюжет поинтереснее.

– Вообще-то, Ватсон, вы выбрали крайне неудачный пример, – сказал Холмс, взяв газету и быстро пробежав глазами статью. – Здесь говорится о разводе четы Данде, а мне как раз случилось участвовать в этом деле, меня попросили прояснить кое-какие мелочи. Муж здесь был абсолютным трезвенником, никакой другой женщины не было и в помине, а суть жалобы заключалась в том, что супруг завел привычку за столом вытаскивать изо рта вставную челюсть и швырять ею в жену. Такое, согласитесь, вряд ли пришло бы в голову обычному сочинителю. Нюхните табаку, доктор, и признайте, что на вашем примере я заработал очко.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с огромным аметистом в середине крышки. В руках Холмса, привыкшего жить скромно, чуть ли не по-спартански, видеть столь дорогую вещь было так непривычно, что я не удержался и спросил, откуда она у него.

– Ах да, – сказал Холмс, – я и забыл, что мы с вами не виделись уже несколько недель. Эта безделушка – подарок короля Богемии в благодарность за мою помощь с письмами Ирен Адлер^[29].

– А кольцо? – поинтересовался я, заметив великолепный бриллиант, сверкающий у него на пальце.

– Это от голландской королевской семьи, но дело, в котором я им помог, настолько деликатно, что я не имею права рассказать о нем даже вам, хоть вы любезно взяли на себя труд описывать некоторые из моих приключений.

– А сейчас у вас есть какое-нибудь дело? – поинтересовался я.

– Да, я веду с десятков расследований, но ничего стоящего. Понимаете, все это важные, значительные дела, но совершенно неинтересные. Вообще-то, я давно заметил, чем зауряднее преступление, тем больший простор для работы мысли, для более скорого анализа мотивов и последствий, которые, собственно, и составляют прелесть работы сыщика. Все громкие преступления чаще всего на поверку оказываются очень простыми, потому что чем серьезнее преступление, тем очевиднее его мотивы. В тех делах, которыми я сейчас занимаюсь (кроме одного довольно любопытного случая, с которым ко мне обратились из Марселя), нет ничего, что могло бы вызвать интерес. Хотя очень может быть, что все изменится в ближайшие несколько минут, поскольку, если я не ошибаюсь, к нам направляется новый клиент.

Холмс поднялся с кресла и теперь стоял у окна между раздвинутыми шторами, всматриваясь в бесцветную лондонскую мглу. Я подошел, посмотрел через его плечо и увидел на противоположной стороне улицы статную женщину в пышном меховом боа⁵ и украшенной большим закрученным красным пером широкополой шляпе, кокетливо сдвинутой набок. Из-под этой крыши она поглядывала на наши окна, нервно теребя застежки кожаных перчаток и покачиваясь, словно не решаясь шагнуть вперед. Вдруг, как пловец, отрывающийся от берега, она ринулась через улицу, и внизу раздался резкий звон колокольчика.

– Такое поведение мне уже приходилось наблюдать, – сказал Холмс, бросая в камин окурок. – Колебание посреди улицы всегда означает *affaire de cœur*⁶. Ей нужен совет, но она не уверена, можно ли о ее деликатном деле рассказывать посторонним. Хотя здесь можно ошибаться. Когда мужчина поступил с женщиной подло, она уже не колеблется, и об этом чаще всего свидетельствует оборванный шнурок звонка. В данном случае можно с уверенностью сказать, что ее привела сюда любовная история, но наша посетительница не столько рассержена, сколько озадачена или опечалена. Сейчас она сама разрешит наши сомнения.

Сразу после этих слов в дверь постучали, и мальчик-слуга объявил, что нас хочет видеть мисс Мэри Сазерленд, сама же леди возвышалась за его спиной, как распутившее паруса торговое судно за крошечным буксиром. Шерлок Холмс по своему обыкновению коротко, но галантно приветствовал даму, закрыл дверь, предложил ей кресло и окинул посетительницу как бы отстраненным, но очень внимательным взглядом.

– Вы не находите, – обратился он к ней, – что при вашей близорукости трудно так много печатать на машинке?

– Да, сначала было трудно, но сейчас я уже печатаю, не глядя на клавиши, – ответила она, но вдруг, поняв смысл его слов, встрепенулась и широко раскрытыми глазами воззрилась на моего друга. – Вам, наверное, обо мне кто-то рассказывал, мистер Холмс, – ее широкое добродушное лицо от удивления побледнело. – Откуда вы узнали, чем я занимаюсь?

– Пустяки, – улыбнулся Холмс. – Моя работа и заключается в том, чтобы все знать. Я приучил себя видеть то, чего не замечают другие. Ведь поэтому вы пришли за советом именно ко мне.

– Сэр, я пришла к вам, потому что о вас мне рассказала миссис Этеридж, мужа которой вы с такой легкостью нашли, когда полиция и все остальные считали, что его уже нет в живых. О, мистер Холмс, как бы я хотела, чтобы вы и мне помогли! Я не богата, но у меня

⁵ Женский шарф из меха или перьев, например страусовых.

⁶ Сердечное дело (*фр.*).

имеется свой доход, сто фунтов в год, к тому же я немного зарабатываю печатаньем, и я готова все это отдать за то, чтобы узнать, что случилось с мистером Госмером Эйнджелом.

– Почему вы так спешили ко мне? – спросил Холмс, соединив перед собой кончики пальцев и глядя в потолок.

И снова простоватое лицо мисс Мэри Сазерленд удивленно вытянулось.

– Да, я действительно вылетела из дому, – сказала она, потому что рассердилась на мистера Уиндибенка... это мой отец – за то, что он так легкомысленно к этому отнесся. Он не захотел идти в полицию, отказался идти к вам, твердил только, что ничего страшного не случилось, бояться, мол, нечего, поэтому я и разозлилась. Оделась и помчалась к вам.

– Он вам не родной отец, раз у него другая фамилия? – спросил Холмс.

– Да, это отчим, но я называю его отцом, хотя это звучит смешно, потому что он старше меня всего лишь на пять лет и два месяца.

– А ваша мать жива?

– О да, она жива и здорова. Честно говоря, я совсем не обрадовалась, когда она снова вышла замуж так скоро после смерти отца, да еще и за мужчину, который младше ее почти на пятнадцать лет. Отец работал паяльщиком, у него была своя маленькая мастерская на Тотенхем-Корт-роуд. Когда он умер, мать с мистером Гарди, главным помощником отца, не стали ее закрывать, но потом появился мистер Уиндибенк и заставил ее продать мастерскую. Он ведь коммивояжер по продаже вин и не хотел связываться с таким, как он посчитал, недостойным делом. За все про все они выручили четыре тысячи семьсот фунтов. Отец, если был бы жив, заработал бы намного больше.

Я думал, что Шерлок Холмс будет раздражен этим путаным и непоследовательным рассказом, но он, напротив, слушал очень внимательно и сосредоточенно.

– И ваш небольшой доход идет с этой суммы? – спросил он.

– О нет, сэр. Он не имеет к этому никакого отношения. Мой дядя Нэд из Окленда^[30] оставил мне по завещанию две с половиной тысячи фунтов. Капитал в новозеландских ценных бумагах, приносит четыре с половиной процента. Но я имею право распоряжаться только процентами.

– Ваша история меня очень заинтересовала, – сказал Холмс. – Раз вы имеете такой большой доход, целых сто фунтов в год, да еще и зарабатываете дополнительно, вы наверняка много путешествуете и вообще ни в чем себе не отказываете. Я думаю, что незамужняя леди может жить припеваючи и на шестьдесят фунтов в год.

– Мне бы вполне хватило и меньшей суммы, мистер Холмс, но вы же понимаете, до тех пор, пока я живу с ними, я не могу быть обузой, поэтому они распоряжаются моими деньгами. Разумеется, все это до поры до времени. Мистер Уиндибенк каждые три месяца снимает проценты и отдает их матери, а я прекрасно живу на то, что зарабатываю сама. За страницу я получаю два пенса, а в день могу отпечатывать страниц пятнадцать-двадцать.

– Что ж, вы очень понятно описали ситуацию, – сказал Холмс. – Это мой друг доктор Ватсон, при нем вы можете говорить так же свободно, как наедине со мной. Прошу вас, расскажите теперь о том, что вас связывает с мистером Госмером Эйнджелом.

Щеки мисс Сазерленд на мгновение вспыхнули, и она стала нервно теребить краешек жакета.

– Мы с ним встретились на балу газопроводчиков, – начала она. – Пока отец был жив, они всегда приглашали его, и потом, когда его не стало, они нас не забыли, присылали пригласительные билеты матери. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы туда шли. Он вообще никуда нас не отпускал. Он очень злился, даже когда я намеревалась посетить пикник в воскресной школе. Но на этот раз я твердо решила пойти, что бы он ни говорил. Какое он имеет право мне что-либо запрещать? Там должны были собраться все друзья отца, а он заявил, что эти люди нам, видите ли, не ровня. Потом еще стал говорить, что мне не в чем идти,

хотя у меня есть фиолетовое плисовое платье^[31], которое я еще ни разу из шкафа не доставала. Никакие уговоры не помогали, он уехал по делам фирмы во Францию, а мы все равно пошли. Мать, я и мистер Гарди, который раньше работал с отцом. Там-то я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

– Надо полагать, – спросил Холмс, – когда мистер Уиндибенк вернулся из Франции, он был очень недоволен тем, что вы все-таки пошли на бал?

– Да нет, даже наоборот. Помню, он рассмеялся, пожал плечами и сказал, что бесполезно запрещать что-либо женщинам, потому что они все равно поступят по-своему.

– Ясно. Значит, с джентльменом по имени Госмер Эйнджел вы познакомились на балу газопроводчиков.

– Да, сэр, тогда мы и познакомились. На следующий день он зашел спросить, благополучно ли мы добрались домой, а после этого мы встречались с ним... то есть я встречалась с ним еще два раза, мы вместе гуляли, но потом вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел больше не мог к нам приходиться.

– Вот как?

– Ну, понимаете, отец не любит, когда в дом приходят посторонние. Он все время повторяет, что женщина должна быть счастлива в своем семейном кругу. Но ведь, как я говорила матери, женщина должна когда-нибудь создать свой семейный круг, а у меня такого пока нет.

– А что мистер Госмер Эйнджел? Он не искал встречи с вами?

– Через неделю отец снова должен был ехать во Францию, и Госмер прислал мне письмо, что нам будет лучше и безопаснее не встречаться до тех пор, пока он не уедет, а тем временем мы могли бы переписываться. И он писал мне каждый день. Я получала письма по утрам, и отец ничего об этом не знал.

– Вы с этим джентльменом к тому времени уже были помолвлены?

– О да, мистер Холмс. Это случилось после нашей первой прогулки. Госмер... мистер Эйнджел работает кассиром в одной конторе на Леднхолл-стрит и...

– В какой конторе?

– В том-то и дело, мистер Холмс, что я не знаю.

– А где он живет?

– Ночует на работе.

– И адреса его вы не знаете?

– Нет... Только улицу – Леднхолл-стрит.

– Куда же вы направляли свои письма?

– В почтовое отделение на Леднхолл-стрит, до востребования. Он сказал, что, если письма будут приходиться в контору, остальные клерки будут над ним смеяться. Я тогда предложила печатать письма на машинке, как и он сам, но он не захотел, сказав, что, если письмо написано от руки, он чувствует, что оно от меня, а если напечатано – он представляет себе не меня, а печатную машинку. Видите, мистер Холмс, как я ему нравилась, он думал даже о таких мелочах.

– О да, – сказал Холмс. – Я уже давно решил для себя, что важнее мелочей ничего нет. Может быть, вы вспомните что-нибудь еще о мистере Госмере Эйнджеле?

– Он был очень застенчив, мистер Холмс. Даже гулять со мной ходил не днем, а вечером, не хотел, чтобы его кто-нибудь увидел. Он был такой робкий, воспитанный. И голос у него был очень мягкий. Он сказал, что в детстве болел ангиной и тонзиллитом, и с тех пор у него слабое горло и как бы неуверенный, больше похожий на шепот голос. Он всегда хорошо одевался, просто и элегантно, и у него, как и у меня, было плохо с глазами, поэтому он носил темные очки.

– И что же случилось, когда ваш отчим снова уехал во Францию?

– Мистер Госмер пришел к нам домой и сказал, что мы должны пожениться до того, как отец вернется. Он ужасно волновался, даже заставил меня поклясться на Библии, что я всегда буду верна ему, что бы ни произошло. Мама сказала, что он правильно сделал и что это верный знак того, как сильно он меня любит. Он вообще ей нравился, с самого начала, по-моему, даже больше, чем мне. Потом, когда они начали договариваться о свадьбе через неделю, я спросила: а как же отец? Они стали убеждать меня о нем не думать, сказали, что ему лучше узнать обо всем потом. Мама пообещала сама все уладить. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно мне просить благословения у отца, ведь он всего-то на несколько лет старше меня, но мне хотелось, чтобы все было честно, поэтому я написала ему письмо в Бордо, где находится французская контора его компании, но прямо в день свадьбы, утром, оно вернулось обратно.

– Значит, вашего письма он не получил?

– Да, сэр. Он уехал в Англию как раз перед тем, как оно пришло.

– Ха! Надо же, как не повезло. Так, значит, ваша свадьба была назначена на пятницу.

Церемония должна была состояться в церкви?

– Да, сэр, но мы хотели провести все очень скромно. Сначала венчание в церкви Святого Спасителя рядом с Кингс-Кросс, потом небольшой обед в отеле «Сент-Пэнкрес». Госмер заехал за нами в хэнсоне, но, так как нас было двое, он посадил нас с мамой, а сам взял извозчичью карету, потому что других кебов на улице не было. К церкви мы приехали первые. Потом подъехала карета, и мы стали ждать, когда выйдет Госмер, но он все не выходил. Тогда извозчик спрыгнул с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Можете себе представить, как мы удивились. Извозчик тоже ничего не понимал, потому что видел собственными глазами, как он садился в карету. Это было в прошлую пятницу, мистер Холмс, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Я не знаю, что с ним произошло.

– Боюсь, что с вами поступили очень дурно, – сказал Холмс.

– О нет, сэр! Он ведь такой хороший, добрый, он не мог меня вот так бросить. Он все утро твердил мне, что я должна быть верна ему, что бы ни случилось, даже если нас что-нибудь вдруг разлучит, я должна помнить свою клятву, а он обязательно рано или поздно вернется ко мне. Странно, конечно, что он говорил об этом в день свадьбы, но вы же видите, что случилось.

– Да. Значит, вы полагаете, что с ним произошло несчастье?

– Да, сэр. Я уверена, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе не стал бы так об этом говорить. А потомстряслось то, чего он боялся.

– Но вы не знаете, что бы это могло быть?

– Даже представить себе не могу.

– Еще один вопрос. Как к этому отнеслась ваша мать?

– Страшно рассердилась и запретила мне говорить о том, что случилось.

– А ваш отец? Ему вы рассказали?

– Да, и он, похоже, так же, как и я, считает, что произошло несчастье и что Госмер еще даст о себе знать. Он сказал, что незачем было везти меня в церковь и скрываться. Если бы он занял у меня деньги или женился и переписал бы на себя деньги, в этом был бы смысл, но Госмер у меня никогда и шиллинга не взял, говорил, что зарабатывает достаточно. И все-таки что-то ведь произошло! Почему он даже не написал? Я просто схожу с ума, по ночам не сплю... – Она вытащила из муфты платок, закрыла лицо и расплакалась.

– Я займусь этим делом, – Холмс встал с кресла. – Уверен, что смогу прояснить ситуацию. Теперь заботы лягут на мои плечи. И мой вам совет: попытайтесь забыть о мистере Госмере Эйнджеле, пусть он исчезнет из вашей памяти так же, как исчез из вашей жизни.

– Значит, вы считаете, что я его больше не увижу?

– Боюсь, что так.

– Но что с ним случилось?

– Предоставьте решение этого вопроса мне. Теперь мне необходимо его точное описание, и я хочу увидеть его письма.

– В последней «Санди Кроникл» я дала о нем объявление, – сказала она. – Вот вырезка и вот четыре письма от него.

– Благодарю вас. А ваш адрес?

– Камберуэлл, Лайон-плейс, дом 31.

– Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. А в какой организации работает ваш отец?

– «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит. Это крупный импортер кларета^[32].

– Спасибо. Больше вопросов у меня нет. Оставьте письма у меня и не забудьте мой совет. Переверните эту страницу своей жизни и никогда больше не возвращайтесь к ней.

– Вы очень добры, мистер Холмс, но я не смогу так. Я буду верна Госмеру и буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простодушное лицо, наша посетительница вызвала у нас уважение. Она положила небольшую связку бумаг на стол и ушла, заверив нас, что придет по первому зову.

Шерлок Холмс несколько минут сидел молча, по-прежнему держа перед собой сложенными кончики пальцев, вытянув ноги и задумчиво глядя в потолок. Потом взял с полки старую прокопченную глиняную трубку, свою лучшую советчицу, зажег ее и, окутав себя густым сизым дымом, откинулся на спинку кресла с совершенно отстраненным лицом.

– Весьма интересная особа эта девица, – наконец проговорил он. – Намного более интересная, чем дело, с которым она к нам обратилась, кстати, весьма заурядное. В моей картотеке вы найдете как минимум два сходных случая: Андоверское^[33] дело 1877 года и прошлогоднее происшествие в Гааге^[34]. Сама идея стара, хотя кое-какие детали для меня неожиданны, но вот за самой девицей наблюдать крайне интересно.

– Похоже, вы разглядели в ней много такого, что осталось невидимым для меня, – заметил я.

– Не невидимым, а незамеченным, Ватсон. Вы не знали, на что смотреть, поэтому проглядели все самое важное. Я так и не научил вас понимать, какое огромное значение имеет вид рукавов и ногтей больших пальцев, вы так и не выучили, что шнурки – это настоящий кладезь информации. Вот что вы узнали об этой женщине по ее внешности? Опишите ее.

– Ну, пепельно-серая широкополая соломенная шляпа с кирпично-красным пером. Жакет у нее черный, украшенный черным бисером, по краю вышитый орнамент, тоже черный. Платье темно-коричневое, даже темнее кофейного оттенка, с небольшой пурпурной плисовой отделкой у шеи и на рукавах. Перчатки сероватые, протертые на указательном пальце правой руки. Обувь ее я не заметил. Да, у нее небольшие круглые свисающие серьги. В общем она производит впечатление простой девушки без особого вкуса, привыкшей жить небогато, но и ни в чем не нуждающейся.

Шерлок Холмс захлопал в ладоши и засмеялся.

– Bravo, Ватсон. Вы просто молодец. Правда, все важные детали вы пропустили, но основы моего метода все же усвоили, к тому же у вас изумительно развито чувство цвета. Друг мой, никогда не доверяйте общему впечатлению, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда в первую очередь обращаю внимание на рукава женщины. У мужчин лучше сначала смотреть на колени. Вы заметили, что у нашей посетительницы рукава отделаны плисом. Этот материал прекрасно сохраняет любые отпечатки. Двойная линия чуть выше запястья, в том месте, которым машинистки опираются на край стола, видна превосходно. Ручная швейная машина оставляет похожий след, но только на левом рукаве на наружной стороне запястья, а не прямо посередине, как было в данном случае. Глядя на ее лицо, я заметил на

переносице следы от пенсне. Тогда-то я и сказал о близорукости и печатанье на машинке, чем немало удивил ее.

– Меня, признаться, тоже.

– Но это же было очевидно! Я удивился, заметив, что у нее разные ботинки. У одного носок был гладкий, у другого – с небольшим узором. Более того, один был застегнут всего на две нижние пуговицы из пяти, а другой – на первую, третью и пятую. То есть, если вполне прилично одетая девушка выходит из дому в разных, к тому же не до конца застегнутых ботинках, не нужно быть великим детективом, чтобы понять, как она спешила.

– А что еще вы заметили? – спросил я, как всегда, с огромным интересом слушая рассказ своего друга и восхищаясь его проницательностью.

– Случайно я заметил, что, уже полностью одевшись, но еще не выйдя из дому, она писала записку. Вы обратили внимание на то, что на указательном пальце правой руки ее перчатка была порвана, но не заметили, что и на перчатке, и на самом пальце были следы фиолетовых чернил. Она писала в спешке и слишком глубоко макала перо в чернильницу. Наверняка эти следы появились сегодня утром, иначе они бы успели потускнеть. Все эти наблюдения, конечно, интересны, но довольно примитивны. Ватсон, давайте вернемся к делу. Вы не могли бы прочитать мне из объявления описание внешности мистера Госмера Эйнджела?

Я поднес небольшую газетную вырезку к свету.

«Утром четырнадцатого числа, – говорилось в заметке, – пропал джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост – пять футов семь дюймов, крепкого телосложения, желтоватый цвет лица; волосы черные, на макушке редкие; кустистые черные бакенбарды и усы; носит темные очки; разговаривает тихо. Одет в черный фрак на шелковой подкладке, черный камзол с золотой цепочкой, серые твидовые брюки и коричневые гетры поверх штиблет с резиновыми вставками. Известно, что работал в конторе на Леднхолл-стрит. Тому, кто предоставит...

– Достаточно, – оборвал меня Холмс. – Теперь займемся письмами. – Он стал один за другим просматривать листы. – Ничего примечательного. Никаких зацепок, кроме того, что в одном месте он цитирует Бальзака^[35]. Однако кое-что должно вас удивить.

– Все они напечатаны на машинке.

– Более того, напечатана даже подпись. Видите эти аккуратные строчки внизу: «Госмер Эйнджел»? Дата стоит, но адреса нет, указана только улица – «Леднхолл-стрит», что довольно странно. Отсутствие подписи – очень важный пункт... Можно даже сказать, решающий.

– И о чем же это говорит?

– Друг мой, неужели вы действительно не понимаете, какое огромное значение это обстоятельство имеет для данного дела?

– Если честно, не очень. Может быть, он таким образом хотел обеспечить себе возможность отвертеться, если бы его обвинили в нарушении обещания?

– Нет, дело не в этом, – вздохнул Холмс. – Ну да ладно. Мне нужно написать два письма, которые решат этот вопрос: одно – в контору в Сити, другое – отчиму девушки, мистеру Уиндибенку, я попрошу его зайти к нам завтра в шесть вечера. Нужно поговорить и с мужской частью этого семейства. Что ж, доктор, до тех пор пока не придут ответы на мои письма, мы ничего не можем сделать, так что пока отложим это небольшое дело.

Я никогда не сомневался в незаурядности ума и готовности к действиям своего друга и поэтому посчитал, что у него достаточно оснований с такой легкостью и некоторым пренебрежением отнестись к этой загадке. До сих пор мне было известно лишь об одной его неудаче – это случай с королем Богемии и фотографией Ирен Адлер. Однако, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю таинственное дело о «Знаке четырех» и удивительные обсто-

яательства, связанные с «Этюдом в багровых тонах», то чувствую, что лишь действительно неразрешимая загадка окажется ему не по силам.

Я оставил его сосредоточенно курящим черную глиняную трубку в полной уверенности, что, когда я вернусь завтра вечером, у него в руках уже будут все необходимые нити, ведущие к установлению личности пропавшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

Однако на следующий день мне пришлось заняться другим очень важным делом, связанным с моей профессией: я весь день просидел у постели тяжело больного пациента. Было уже почти шесть вечера, когда я наконец освободился и смог вскочить в кеб, чтобы помчаться на Бейкер-стрит, опасаясь пропустить развязку этой истории. Однако, когда я вбежал в гостиную своего друга, моим глазам предстала совсем не та картина, которую я ожидал увидеть. Холмс был один, более того, он дремал, уютно свернувшись калачиком в своем любимом кресле. Ряды разносортных склянок и пробирок на столе, распространяющие по комнате резкий запах соляной кислоты, подсказали мне, что он весь день занимался столь милыми его сердцу химическими опытами.

– Ну что, нашли ответ? – спросил я с порога.

– Да. Это был бисульфат окиси бария.

– Нет-нет, я о *той* загадке! – вскричал я.

– Ах, об этом! А я подумал, вы спрашиваете о соли, над которой я работал... Там никакой загадки и не было. Как я вчера говорил, интерес представляют лишь некоторые детали. Единственное, что меня смущает, это отсутствие закона, по которому можно было бы покарать этого подлеца.

– Так кто же он? И зачем ему понадобилось обманывать мисс Сазерленд?

Но когда вопрос уже слетел с моих губ, а Холмс еще не успел открыть рот, чтобы ответить, в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

– Это отчим девушки, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Он прислал мне записку, что придет к шести. Входите!

Дверь отворилась, и перед нами предстал крепкий молодой мужчина лет тридцати, среднего роста, хорошо выбритый. Лицо у него было нездорового землистого цвета, но ясные серые глаза блестели ярко и пронизательно. Он вопросительно посмотрел на нас, потом положил сияющий цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

– Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Я полагаю, это ваше напечатанное на машинке письмо, в котором вы договаривались со мной о встрече в шесть часов?

– Да, сэр. Я, кажется, немного опоздал, но я, знаете ли, не могу свободно располагать своим временем. Прошу у вас прощения за то, что мисс Сазерленд отняла у вас время своим вчерашним визитом. Лично я считаю, что это не то белье, которое нужно перемывать на людях. Я отговаривал ее идти к вам, но, как вы сами видели, она очень возбудимая, импульсивная девушка. Ее трудно переубедить, если она решилась на что-то. Не то чтобы я ей строго запретил приходить к вам, вы же не связаны с полицией, просто мне неприятно, что о наших семейных неурядицах будут знать совершенно посторонние люди. К тому же все это пустая трата времени – где теперь искать этого Госмера Эйнджела?

– Напротив, – бесстрастно возразил Холмс. – Я не сомневаюсь, что найду мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул, да так сильно, что даже выронил перчатки.

– Рад это слышать, – проговорил он.

– Понимаете, в чем дело, – сказал Холмс, – любая печатная машинка имеет индивидуальные особенности, точно так же, как почерк человека. Даже совершенно новые машинки чем-то да различаются. Некоторые буквы стираются сильнее остальных, другие сбиваются больше с одной стороны. Заметьте, мистер Уиндибенк, ваша печатная машинка дает неболь-

шое пятнышко над буквой «е», а у ее «р» сбита палочка. Есть еще четырнадцать других особенностей, но эти две самые заметные.

– В нашей конторе на этой машинке печатается вся корреспонденция, так что нет ничего удивительного в том, что она немного износилась, – сказал наш посетитель, настороженно глядя на Холмса маленькими яркими глазами.

– А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто действительно интересное, – продолжил Холмс. – Я думаю в ближайшее время написать еще одну небольшую монографию – о печатных машинках и об их изучении в сфере криминалистики. Некоторое время я занимался изучением этого вопроса. В моем распоряжении имеются четыре письма, которые приписываются исчезнувшему. Все они напечатаны на машинке. На каждом из этих писем над буквой «е» виднеется пятнышко, а у всех «р» отсутствует хвостик, но, если вы возьмете мое увеличительное стекло, то обнаружите на них и все остальные четырнадцать характерных особенностей, на которые я ссылался раньше.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и схватил цилиндр.

– Я не собираюсь тратить время на подобную болтовню, мистер Холмс, – в сердцах воскликнул он. – Если вы можете поймать этого человека – ловите. Когда поймаете, сообщите мне.

– Разумеется, – сказал Холмс, шагнул к двери и повернул в замочной скважине ключ. – Сообщаю, я уже поймал его!

– Что? Как? – вскричал он, бледнея на глазах и озираясь по сторонам, как крыса в крысоловке.

– Не стоит... Право же, не стоит, – мягко проговорил Холмс. – Вам не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все слишком очевидно. Напрасно вы говорили, что мне не удастся решить такую простую задачу... Ну вот и хорошо! Садитесь, давайте поговорим.

Наш посетитель опустился на стул, лицо его было белым как мел, на лбу блеснули капельки пота.

– Это... это неподсудное дело, – пробормотал он.

– К сожалению, это так. Но, между нами, Уиндибенк, подобной жестокости, гнусности и подлости мне еще не приходилось встречать. Теперь я расскажу вам, как все было, а вы поправите меня, если я в чем-то ошибусь.

Мужчина поник, голова его низко склонилась на грудь. С видом совершенно раздавленного человека он лишь слегка качнул головой. Холмс, не вынимая рук из карманов, уселся в кресло, водрузил ноги на угол каминной решетки и начал говорить, обращаясь скорее к самому себе, чем к нам.

– Мужчина женится на женщине намного старше себя ради денег, – сказал он. – Кроме того, пока с ними живет дочь этой женщины, он с удовольствием пользуется и ее доходами. Для людей с их положением капитал дочери представляет собой лакомый кусок, и ему бы не хотелось его лишиться. Стоило попробовать сохранить его. Дочь – девушка добрая и относится к отчиму, в общем, с симпатией, но она мила, сердце ее жаждет любви, поэтому ясно, что при ее достоинствах и деньгах она недолго останется одинокой. Понятно, что брак падчерицы означает для отчима потерю ста фунтов годового дохода. Что делает отчим? Естественно, самое очевидное: старается не выпускать ее из дома и запрещает встречаться с молодыми людьми одного с ней возраста. Но скоро ему становится понятно, что так вечно продолжаться не может. Она начинает сопротивляться, заявляет о своих правах и наконец сообщает о своем твердом решении вопреки запрету пойти на какой-то бал. А что же ее хитроумный отчим? В голову ему приходит идея, которая делает больше чести его уму, нежели сердцу. Заручившись одобрением и поддержкой жены, он гримируется, прикрывает свои ясные глаза темными очками, приклеивает фальшивые усы и густые бакенбарды, голос превращает во вкрадчивый шепот и, помня о близорукости девушки, отправляется на тот самый

бал под именем Госмера Эйнджела, где и знакомится с ней, тем самым ограждая ее от других мужчин.

– Сначала это была просто шутка, – прохрипел наш посетитель. – Мы не думали, что она так увлечется.

– Весьма в этом сомневаюсь. Но, как бы то ни было, юная леди действительно очень увлеклась. Полагая, что отчим находится во Франции, она не могла заподозрить обман. Конечно, ей польстило внимание джентльмена, тем более что мать ее всячески поддерживала. Потом мистер Эйнджел начинает искать встречи с ней, поскольку ясно, что именно так в действительности повел бы себя в данной ситуации любой мужчина. Они ходят на свидания, следует помолвка, необходимая лишь для того, чтобы сердце девушки уже никогда не было бы отдано какому-нибудь другому мужчине. Но обман не может длиться вечно. Мнимые поездки во Францию доставляют массу хлопот. Становится ясно, что все это дело нужно закончить неким драматическим способом, чтобы произвести неизгладимое впечатление на девушку и заставить ее хотя бы на время не думать об ухаживаниях других молодых людей. Отсюда и клятвы на Библии, и предчувствие беды в день свадьбы. Джеймсу Уиндибенку нужно было накрепко связать мисс Сазерленд с Госмером Эйнджелом и в то же время сделать так, чтобы ей ничего не было бы известно о его судьбе. Он считал, что это как минимум лет на десять избавит ее от бракосочетания. Итак, он отправляет ее в церковь, и, поскольку дальше этого зайти не может, благополучно исчезает при помощи старого трюка: заходит в карету через одну дверь и тут же выходит через другую. Я думаю, все обстояло именно так, мистер Уиндибенк?

Пока Холмс говорил, наш посетитель успел прийти в себя, к нему вернулась самоуверенность. Он встал, на его бледном лице появилась холодная усмешка.

– Может быть, так, а может, и нет, мистер Холмс, – бросил он. – Но, если уж вы такой умник, вам должно быть известно, что сейчас вы нарушаете закон, а не я. Я не совершил никакого преступления, а вот вас за то, что вы заперли меня здесь, можно обвинить в нападении и незаконном лишении свободы.

– Вы правы, закон не может вас покарать, – сказал Холмс, отпирая и распахивая настежь дверь. – Но в этом мире еще не было человека, который заслуживал бы наказания больше, чем вы. Если бы у этой девушки был брат или друг, ему бы следовало взять хлыст и отстегать вас хорошенько. Клянусь Богом, – начал закипать он, видя ухмылку на лице наглеца, – это не входит в мои обязанности перед клиентом, но у меня под рукой как раз есть охотничья плеть, и я, пожалуй, воспользуюсь ею...

Он сделал два быстрых шага в сторону висевшего на стене кнута, но, прежде чем он успел снять его, с лестницы донеслась торопливая дробь шагов, хлопнула тяжелая дверь в прихожей, и мы увидели в окно, как мистер Джеймс Уиндибенк со всех ног несется по улице прочь от нашего дома.

– Видали храбреца? – засмеялся Холмс, снова усаживаясь в кресло. – А ведь он на этом не остановится. Постепенно этот мерзавец дойдет до настоящих преступлений и сделает что-нибудь такое, за что будет отправлен на виселицу. Да, это дело не было лишено определенного интереса.

– Если честно, я не совсем понимаю, как вы обо всем догадались, – признался я.

– Ну, с самого начала, конечно же, было понятно, что столь странное поведение мистера Госмера Эйнджела должно было иметь какое-то основание. Кроме того, очевидным было и то, что единственный человек, которому действительно выгодно его исчезновение, – отчим нашей клиентки. Тот факт, что эти двое мужчин никогда не встречались и появлялись по очереди, тоже много о чем говорил. Да и темные очки, и необычный голос вместе с пышными бакенбардами и усами наводили на мысль о гриме. Мои подозрения подтвердились, когда я увидел напечатанную на машинке подпись в письмах. Это могло означать только

одно: его почерк был настолько ей знаком, что она узнала бы его даже по одному-двум словам. Как видите, все эти отдельно взятые факты вместе с множеством других наблюдений указывали в одном направлении.

– Но вам же нужно было как-то проверить свои выводы?

– Поняв, как обстоит дело, найти нужные доказательства было несложно. Я знаю, в какой организации работает этот человек. Я послал им его описание из газеты, устранив все, что могло быть частью маскировки – бакенбарды, очки, голос, – и попросил сообщить мне, работает ли у них коммивояжером такой человек. К тому времени я уже изучил особенности машинки, на которой были напечатаны письма. Я послал еще одно письмо, на этот раз самому интересующему меня человеку по его рабочему адресу, попросив встретиться. Как я и ожидал, его ответ был тоже напечатан на машинке, причем обладающей теми же мелкими, но характерными дефектами. Вместе с его ответом пришло и письмо от «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит, в котором меня извещали, что данное описание полностью соответствует одному из их работников – Джеймсу Уиндибенку. *Voilà tout!*⁷

– А как же мисс Сазерленд?

– Если я расскажу ей всю правду, она не поверит. Помните старинную персидскую поговорку: «Отнимать у тигрицы тигренка так же опасно, как лишать женщину ее заблуждений». У Хафиза^[36] не меньше здравого смысла, чем у Горация, и столько же знания мира.

⁷ Вот и все! (фр.)

Дело IV. Тайна Боскомской долины

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная внесла телеграмму от Шерлока Холмса. Вот что в ней говорилось:

«Располагаете парой свободных дней? Только что был вызван на запад Англии в связи с трагедией в Боскомской долине. Буду рад, если составите компанию. Обещаю изумительный воздух и природу. Поезд с Паддингтона в 11:15».

– Что скажешь, дорогой? – спросила жена. – Поедешь?

– Даже не знаю. У меня сейчас очень много пациентов.

– Анструзер тебя подменит. Ты в последнее время какой-то бледный. По-моему, смена обстановки пойдет тебе на пользу, к тому же тебя всегда так интересуют дела мистера Шерлока Холмса.

– Не интересоваться его делами было бы черной неблагодарностью, если вспомнить, что я обрел благодаря одному из них, – ответил я. – Но если ехать, собираться нужно прямо сейчас, до поезда всего полчаса.

Жизнь в военном лагере в Афганистане по меньшей мере научила меня в случае надобности тратить на сборы не больше нескольких минут и в дороге обходиться только самым необходимым. Поэтому на вокзал я приехал даже раньше обозначенного времени. Холмса я увидел сразу. Он расхаживал по платформе, и его длинный серый дорожный плащ и облегающая суконная шапочка делали его высокую худую фигуру еще более худой и высокой.

– Как хорошо, что вы пришли, Ватсон! – воскликнул он. – Для меня очень важно иметь рядом человека, на которого можно положиться. От местной помощи всегда мало проку, они либо вообще не в состоянии помочь, либо делают только хуже. Подержите два угловых места в вагоне, а я пойду за билетами.

В купе мы ехали вдвоем среди огромного вороха газет, которые принес Холмс. Их чтением он и был занят до самого Рединга^[37], отвлекаясь только на то, чтобы сделать кое-какие записи или о чем-то поразмышлять. Но потом он совершенно неожиданно свернул их в гигантский шар и бросил его на полку.

– Вы что-нибудь слышали об этом деле? – спросил он меня.

– Ни слова. Я и газет не читал уже несколько дней.

– В лондонской прессе пока ничего толкового и не пишут. Я вот просматривал свежие газеты, чтобы найти подробности, и, судя по тому, что я вычитал, это происшествие – одно из тех простых дел, которые чрезвычайно трудно разгадывать.

– Звучит несколько парадоксально.

– Тем не менее это истинная правда. Необычность сама по себе является ключом к разгадке. Чем зауряднее и обычнее дело, тем сложнее доводить его до ума. В данном случае очень серьезное подозрение упало на сына убитого.

– Значит, речь идет об убийстве?

– По крайней мере, так считают, но я, пока сам все не увижу, не буду ничего решать. В нескольких словах я вам опишу положение вещей, каким оно мне представляется.

Боскомская долина – это небольшая деревенская местность недалеко от Росса в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех местах – мистер Джон Тэнер. Он какое-то время жил в Австралии, разбогател там и несколько лет назад вернулся в Англию. Одну из его ферм, а именно Хазерлей, арендовал некий мистер Чарльз Мак-Карти, тоже живший в Австралии. Эти двое познакомились еще в колониях, поэтому нет ничего удивительного в том, что, перебравшись в Англию, они держались поближе друг к другу. Тэнер был намного богаче, поэтому выходило, что Мак-Карти как бы жил при нем, тем не менее общались они на равных и их часто видели вместе. У Мак-Карти был восемнадцатилетний сын, а у Тэнера

– дочь того же возраста. Оба старика были вдовцами. Они держались в стороне от соседей-англичан и вели замкнутый образ жизни, хотя оба Мак-Карти часто посещали скачки по соседству. Мак-Карти держал двух слуг, мужчину и девушку, а у Тэнера был целый штат прислуги, человек шесть. Это то, что мне известно о семьях. Теперь о самом деле.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, около трех часов дня Мак-Карти вышел из Хазерлей и направился пешком к Боском-пул – небольшому озеру, образованному разлившимся ручьем, который протекал через всю Боскомскую долину. Когда утром с одним из своих слуг Мак-Карти ездил в Росс, он говорил, что ему нужно поторопиться, поскольку в три часа ему предстоит какая-то важная встреча. После этой встречи его не видели.

От фермы Хазерлей до озера четверть мили, и два человека встретили Мак-Карти, когда он направлялся на встречу. Одна – старуха, имя которой не упоминается, второй – Вильям Краудэр, егерь мистера Тэнера. Оба свидетеля показали, что Мак-Карти шел один. Егерь сообщил, что через несколько минут после встречи с мистером Мак-Карти он увидел его сына, мистера Джеймса Мак-Карти, который шел по той же дороге с ружьем в руках. Краудэр утверждает, что, когда он его увидел, старший Мак-Карти еще не скрылся из виду, поэтому сын наверняка шел следом за отцом. Больше об этой встрече он не думал, пока в вечерней газете не прочитал о трагедии.

Обоих Мак-Карти видели и после того, как их повстречал егерь Вильям Краудэр. Боском-пул находится посреди густого леса, озеро почти идеально круглое, берег его зарос невысокой травой и камышом. Недалеко от озера в лесу собирала цветы Пэшенс Морзан, четырнадцатилетняя дочь лесника. Она утверждает, что видела у озера обоих Мак-Карти рядом, они о чем-то ожесточенно спорили, и мистер Мак-Карти старший не стеснялся в выражениях в адрес своего сына. Она видела, что сын занес руку, как будто собираясь ударить отца, но их ссора так напугала девочку, что она убежала и дома рассказала матери, что двое Мак-Карти ругаются у озера и, похоже, дело дойдет до драки. Не успела она закончить свой рассказ, как к сторожке прибежал младший мистер Мак-Карти, сообщил, что нашел в лесу мертвого отца, и попросил лесника помочь ему. Он был очень возбужден, ни ружья, ни шляпы у него не было, его правая кисть и рукав были в крови. Последовав за ним, они увидели труп, лежавший на траве у самой воды. На его голове были явственно видны следы множества сильных ударов, нанесенных тяжелым тупым предметом. Это мог быть приклад ружья его сына, которое валялось в траве в нескольких шагах от тела. Это дало повод тут же задержать молодого человека. Во вторник во время дознания ему выдвинули обвинение в преднамеренном убийстве, в среду он предстал перед мировым судьей Росса, который отложил дело до следующей выездной сессии суда присяжных. Вот основные факты, известные коронеру^[38] и полиции.

– Но тут же все ясно как Божий день! – воскликнул я. – Ведь косвенные доказательства однозначно указывают на убийцу.

– Косвенные доказательства – штука хитрая, – задумчиво произнес Холмс. – Они могут ясно указывать на что-то одно, но, стоит лишь немного изменить собственную точку зрения, и они сразу начинают указывать на нечто совершенно другое. Однако нужно признать, что в этом случае дела молодого человека действительно плохи, и скорее всего он действительно является преступником. Однако есть и такие, кто считает его невиновным, среди них и мисс Тэнер, дочь местного землевладельца. Чтобы провести независимое расследование, она пригласила Лестрейда, вы, возможно, помните его в связи с «Этюдом в багровых тонах». Но Лестрейд ничем помочь им не смог и перенаправил дело мне, в результате чего двое джентльменов среднего возраста со скоростью пятьдесят миль в час несутся на запад страны вместо того, чтобы спокойно отдыхать после завтрака у себя дома.

– Боюсь, что в этом деле все настолько очевидно, что за него не стоило и браться, ни славы, ни денег оно вам не принесет, – заметил я.

– Нет ничего обманчивее очевидных фактов, – рассмеялся он. – К тому же, может быть, мы натолкнемся на какие-нибудь другие очевидные факты, которые не были так уж очевидны для мистера Лестрейда. Вы же слишком хорошо меня знаете и не думаете же, будто я буду заниматься каким-то делом только ради того, чтобы доказать Лестрейду, что я владею такими приемами, которые он не то что применить – даже понять не в состоянии. Вот, для примера, глядя на вас, я могу с уверенностью сказать, что в вашей спальне окно находится с правой стороны, но мистер Лестрейд не заметил бы даже такого очевидного факта.

– Но как вам удалось...

– Дорогой друг, я вас прекрасно знаю. Знаю и вашу армейскую аккуратность. Вы брее-тесь каждое утро, и в это время года делаете это при свете солнца. Но, поскольку ваша левая щека выбрита хуже правой, а под левым ухом и вовсе неаккуратно, вывод о том, что свет падает на вас с правой стороны, напрашивается сам собой. Я не представляю, чтобы такой человек, как вы, удовлетворился бы подобным бритьем, если бы все лицо было освещено равномерно. Все это я говорю лишь затем, чтобы привести пример построения выводов на основании наблюдений. Это то, что у меня получается лучше, чем у других. Возможно, это мое качество пригодится в предстоящем нам расследовании. На дознании всплыли кое-какие факты, которые следует изучить повнимательнее.

– Какие именно?

– Если я правильно понимаю, младшего Мак-Карти арестовали не сразу, а только после того, как он вернулся на ферму в Хазерлей. Когда полицейский инспектор объявил ему, что его берут под стражу, он заметил, что это его не удивляет и что другого он и не заслуживает. Эти слова лишили следственную комиссию последних сомнений в его виновности.

– Но это же прямое признание! – воскликнул я.

– Нет, потому что после этого он заявил, что невиновен.

– Судя по тому, что мы знаем, я бы не стал верить подобному заявлению.

– Напротив, – возразил Холмс. – Мне эти его слова кажутся главным доводом в его пользу. Не знаю, насколько он невиновен, но он не может быть настолько глуп, чтобы не понимать, что все обстоятельства складываются против него. Вот если бы он удивился, когда его пришли арестовывать, или стал бы протестовать и возмущаться, это бы у меня вызвало подозрение, поскольку подобное поведение в данных обстоятельствах выглядело бы очень неестественно, хотя именно так повел бы себя человек, желающий себя выгородить. То, что он безоговорочно принял действительность, говорит либо о его невиновности, либо о том, что это человек со стальными нервами. Его замечание по поводу того, что он заслужил наказания, тоже можно понять, если вспомнить, что в тот день, когда был убит его отец, он настолько забыл о своем сыновнем долге, что позволил себе ругаться с ним и даже, судя по чрезвычайно важным показаниям девочки, замахнулся на него. Подобное раскаяние и самобичевание скорее говорят о наличии у этого человека совести, чем о том, что она запятнана.

Я покачал головой.

– Немало людей было отправлено на виселицу на основании куда меньшего количества улик, – заметил я.

– Это так. И многие из них были невиновны.

– А что говорит сам молодой человек?

– Боюсь, ничего такого, что могло бы вселить надежду в тех, кто считает его невиновным. Хотя в его рассказе и есть парочка зацепок. Вы можете сами об этом прочитать.

Он выудил из вороха хирфорширскую газету, открыл нужную страницу и показал мне абзац, в котором несчастный юноша сам рассказывал о том, что произошло в тот день в лесу. Я уселся в угол купе и очень внимательно прочитал статью. В ней говорилось:

«Был допрошен и мистер Джеймс Мак-Карти, единственный сын покойного, он дал следующие показания:

– Я на три дня ездил в Бристоль и вернулся только в понедельник утром, третьего числа. Когда я приехал, отца дома не было, и горничная сказала мне, что он с Джоном Коббом, нашим конюхом, уехал в Росс. Вскоре я услышал во дворе шум колес его двуколки и, выглянув в окно, увидел, как он выпрыгнул и быстро куда-то пошел, куда именно, я не знал. После этого я взял ружье и направился к озеру, собираясь поохотиться на кроликов на дальнем берегу. По пути я встретил Вильяма Краудэра, егеря, как он и рассказал следователю. Только он ошибается, думая, что я шел за отцом. Я понятия не имел, что он идет впереди меня. Ярдах в ста от озера я услышал крик «Кууии!», наш с отцом обычный сигнал, поэтому ускорил шаг и увидел его на берегу. Заметив меня, он, похоже, сильно удивился и довольно грубо спросил, что я там делаю. Я тоже вспылил, и мы начали все больше ругаться, дело чуть не дошло до рукоприкладства – у отца был очень вспыльчивый характер. Видя, что он распаляется все сильнее и сильнее, я развернулся и ушел, но не успел пройти и полторы сотни ярдов, как сзади услышал ужасный крик. Естественно, я бегом бросился обратно. Отец лежал на земле, вся голова у него была разбита. Я отбросил ружье и приподнял его, но он почти сразу умер. Несколько минут я просидел рядом с ним на коленях, потом встал и пошел к леснику мистера Тэнера, чья сторожка ближе всех к тому месту, чтобы попросить помощи. Когда я разговаривал с отцом, никого рядом не было, и что с ним случилось, я не знаю. Соседи его недолюбливали за крутой нрав и неприветливость, но, насколько мне известно, врагов у него не было. Больше мне нечего добавить.

Следователь:

– Отец перед смертью вам что-нибудь сказал?

Свидетель:

– Пробормотал несколько слов, но я ничего не понял. Разобрал только одно слово: «крыса».

Следователь:

– Что, по-вашему, он хотел сказать?

Свидетель:

– Понятия не имею, по-моему, он бредил.

Следователь:

– Что было причиной вашей ссоры с отцом?

Свидетель:

– Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос.

Следователь:

– Боюсь, что мне придется повторить его.

Свидетель:

– Я не могу вам этого сказать. Но уверяю, это никак не относится к тому, что произошло потом.

Следователь:

– Это будет решать суд. Думаю, вы понимаете, что во время следствия отказ отвечать будет истолкован не в вашу пользу.

Свидетель:

– Я все равно отказываюсь отвечать.

Следователь:

– Насколько я понимаю, крик «Кууии» был вашим с отцом условным сигналом.

Свидетель:

– Да.

Следователь:

– Тогда как вы объясняете, что отец ваш подал этот сигнал еще до того, как увидел вас, когда еще даже не знал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель (сильно смутившись):

– Не знаю.

Присяжный заседатель:

– А когда вы прибежали на крики отца и обнаружили его умирающим, вы не заметили ничего такого, что могло бы вызвать у вас подозрение?

Свидетель:

– Ничего определенного.

Следователь:

– Что вы имеете в виду?

Свидетель:

– Я был так возбужден и взволнован, когда выбежал к озеру, что не думал ни о чем, кроме отца. Но мне смутно вспоминается, что, когда я подбегал к нему, мне показалось, что слева от меня на земле что-то лежит. Что-то серое. Может быть, пальто или какой-то плед. Когда я поднялся, его уже не было.

– Вы хотите сказать, что этот предмет исчез до того, как вы отправились за помощью?

– Да, его там уже не было.

– И что это было, вы точно сказать не можете?

– Нет, я просто увидел что-то темное.

– Как далеко от тела лежал этот предмет?

– Ярдах в десяти, может, чуть больше.

– А сколько от него было до леса?

– Примерно столько же.

– Значит, этот предмет забрали, когда вы находились от него всего в десяти ярдах?

– Да, но я стоял спиной к нему.

На этом допрос свидетеля был закончен».

Дочитав колонку, я сказал:

– Похоже, следователь в конце допроса уже довольно жестко разговаривал с молодым Мак-Карти. Ведь действительно довольно странный рассказ получается: отец подал ему сигнал еще до того, как его увидел; о чем они с отцом разговаривали, он рассказывать отказывается; а эти непонятные последние слова умирающего? Все это очень подозрительно и говорит не в пользу сына.

Холмс усмехнулся и вытянулся на мягком сиденье.

– И вы, и следователь слишком много внимания уделяете поиску слабых мест в рассказе этого молодого человека. Разве вы не замечаете, что одновременно наделяете его и слишком развитым воображением, и слишком ограниченным? Ограниченным – потому, что он не сумел придумать какую-нибудь более-менее правдоподобную причину ссоры с отцом, которая могла бы хоть как-то настроить следователей в его пользу. Развитым – потому что ему в голову пришло вложить в уста умирающего совершенно неуместное упоминание крысы и придумать вдобавок какую-то исчезнувшую одежду. Нет, сэр, я склонен думать, что все сказанное этим юношей – правда. Посмотрим, к чему нас приведет эта гипотеза. А пока – у меня с собой карманное издание Петрарки^[39], и я больше не намерен обсуждать это дело до тех пор, пока мы не окажемся на месте. Обедаем мы в Суиндоне^[40], до него еще двадцать минут езды.

Было уже почти четыре часа, когда мы, проехав прекрасную Страудскую долину и широкий, сверкающий на солнце Северн^[41], оказались в небольшом уютном городке Росс. На платформе нас ждал тощий, чем-то напоминающий хорька мужчина с хитрыми глазками и цепким взглядом. Хоть он и был в песочном пыльнике и кожаных гетрах, я без труда узнал Лестрейда, инспектора Скотленд-Ярда. Вместе с ним мы отправились в отель «Хирфорд-Армз», где для нас был забронирован номер.

– Я уже заказал коляску, – сказал Лестрейд, когда мы сели выпить чаю. – Знаю я вашу непоседливость, вы же не успокоитесь, пока не увидите место преступления собственными глазами.

– Спасибо, это очень мило с вашей стороны, – кивнул Холмс. – Все зависит от давления. Лестрейд удивленно уставился на моего друга.

– Что-то я вас не понимаю, – проговорил он.

– Что там на барометре? Двадцать девять, понятно. Ветра нет, на небе ни облачка. Я прихватил с собой сигареты и хотел бы их выкурить, к тому же диван мне кажется намного соблазнительнее жесткой и неудобной койки в каком-нибудь деревенском постоялом дворе. Не думаю, что сегодня вечером мне захочется куда-то ехать.

Лестрейд понимающе улыбнулся.

– Вы уже наверняка прочитали все, что пишут в газетах об этом происшествии, и сделали свои выводы, – сказал он. – В этом деле все ясно как день, и чем дальше, тем яснее становится. Но разве можно отказать в просьбе леди, тем более такой очаровательной. Она где-то о вас услышала, и ей непременно захотелось узнать, что вы обо всем этом думаете, хоть я и твердил ей сто раз, что вы не сможете сделать ничего такого, чего уже не сделал я сам. О, смотрите-ка! А вот и ее коляска.

Едва он успел произнести последние слова, как в комнату вбежала одна из самых очаровательных девушек, каких мне когда-либо приходилось встречать. Ее фиалковые глаза сверкали, губы были приоткрыты, щеки покраснелись – все говорило о крайней степени волнения.

– О мистер Шерлок Холмс! – воскликнула она, переведя взгляд с меня на Холмса. Женская интуиция подсказала ей, к кому следует обращаться. – Я так рада, что вы приехали. Я специально примчалась, чтобы встретиться с вами. Я знаю, что Джеймс не делал этого. Я знаю это наверняка и хочу, чтобы и вы это знали, когда начнете расследование. Не сомневайтесь ни на секунду. Мы с ним знакомы с самого детства, и я знаю все его недостатки как никто другой. Поверьте, у него такое доброе сердце, что он и мухи не обидит. Для всех, кто его знает, подобное обвинение просто нелепо.

– Я надеюсь, что мы установим истину, мисс Тэнер, – сказал Шерлок Холмс. – Можете мне поверить, я сделаю все, что в моих силах.

– Но вы же читали отчеты. У вас сложилось какое-то мнение? Разве вы не видите, что здесь что-то не сходится, не состыковывается? Вы сами допускаете, что он невиновен?

– Я думаю, что это очень вероятно.

– Вот! – обрадовалась она и, гордо подняв голову, посмотрела на Лестрейда. – Вы слышали? Надежда еще есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...доводить себя кокаином... – См. т. 3 наст. изд., комментарий на с. 427.

2.

...в связи с убийством Трепова... – Федор Федорович Трепов (старший) (1812–1889) – российский генерал-адъютант, с 1866 по 1873 год обер-полицмейстер, с 1873 по 1878 год градоначальник Петербурга. Имя Трепова стало всемирно известным в 1878 году после покушения на него революционерки-народницы Веры Засулич в ответ на его приказ подвергнуть порке политзаключенного Боголюбова. Трепов после покушения выжил.

3.

...Тринкомали... – Порт в Шри-Ланке, в котором до 1951 г. находилась британская военноморская база.

4.

...Богемии... – Богемия (лат. Bohemia, от Boiohaemum – страна бойев) – первоначальное название территории, на которой образовалось государство Чехия; а также название в 1526–1918 гг. Чехии (без Моравии) в составе Габсбургской империи.

5.

...недалеко от Карлсбада... – Карлсбад – немецкое название чешского города Карлови-Вари.

6.

...здесь погиб Валленштейн... – Альбрехт фон Валленштейн (1583–1634) – полководец, с 1625 г. имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне (1618–1648).

7.

...без своего Босуэлла... – Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, биограф английского писателя, критика и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784). В Англии имя Босуэлла стало нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

8.

...«Ла Скала»... – Оперный театр в Милане, один из центров мировой музыкальной культуры. Открыт в 1778 г.

9.

Примадонна императорской оперы в Варшаве... – То есть царской оперы в Варшаве, так как в то время и до 1918 г. Польское королевство входило в состав Российской империи.

10.

...кронпринцем. – Кронпринц – титул престолонаследника в Германии и Австро-Венгрии.

11.

...карт-бланш. – Карт-бланш – неограниченные полномочия, полная свобода действий.

12.

...Сент-Джонс-Вуд. – Сент-Джонс-Вуд – район в Лондоне, недалеко от Бейкер-стрит.

13.

Это фотография кабинетного формата? – «<...> этот формат появился в 1867 году и постепенно вытеснил меньший формат, “визитку”, став на несколько последующих десятилетий самым ходовым размером. Альбомные снимки в пять с половиной на четыре дюйма (примерно четырнадцать на десять сантиметров – А. К.), которые обычно наклеивались на картон несколько большего размера, вначале стали популярны среди знаменитостей, которые позировали для “кабинетных портретов” в роскошных студийных декорациях и затем раздавали их в качестве памятных подарков друзьям и поклонникам. Поскольку такие фотографии были не слишком дороги и их легко было пустить в массовое производство, театральные артисты вскоре стали использовать кабинетные карточки в рекламных целях или для продажи в качестве сувениров – для дополнительного заработка. Наконец, мужчины и женщины среднего класса также стали заказывать свои портреты в этом формате. Позируя, они намеренно подражали платьям и стилю более богатых и знаменитых сограждан, благодаря которым кабинетная фотография и стала столь популярной и престижной» (Томас Р. Р. «Негативные» образы в рассказе «Скандал в Богемии»: Пер. с англ. // Иностранная литература. – 2008. – № 1. – С. 291–292).

14.

...чаббовский замок... – Изобретенный лондонским слесарем Чаббом замок особой, защищенной от взлома конструкции.

15.

...«Иннер темпла»... – Иннер темпл – самый старый и известный из четырех «Судебных иннов» – английских школ по подготовке юристов.

16.

...служитель нонконформистской церкви. – Нонконформистские (англ. nonconformists, буквально – несогласные) церкви – английские церковные организации, не признающие учения и обрядов государственной англиканской церкви: пресвитериане, конгрегационалисты, методисты и др.

17.

...мистеру Джону Хэйру... – Сэр Джон Хэйр (1844–1921) – известный в то время английский театральный актер.

18.

...из-под ольстера... – Ольстер – длинное просторное дорожное пальто из грубошерстного сукна, часто с поясом и капюшоном. Получило название от одноименной исторической области на севере Ирландии.

19.

...в Дарлингтоне... – Дарлингтон – город в английском графстве Дарем.

20.

...масонство. <...> в нарушение строгих правил ордена, носите брошь с изображением арки и циркуля. – См. комм. в т. 1 наст. изд. на с. 392.

21.

«Морнинг Кроникл», 27 апреля 1890 года. – Ляпус автора. Выходившая с 1769 года одна из наиболее влиятельных лондонских газет «Morning Chronicle» («Утренняя хроника») обанкротилась и прекратила существование еще в 1862 году.

22.

...«Аттику»... – Аттика – в древности область на юго-востоке Средней Греции, центр культуры и цивилизации.

23.

...Сарасате... – Пабло де Сарасате (1844–1908) – испанский композитор и скрипач. Славился как виртуоз. Выступал во многих странах мира.

24.

...учился в Итоне и Оксфорде. – Итон – одно из самых привилегированных средних учебных заведений в Англии, основанное в 1440 году; Оксфордский университет – древнейший в Западной Европе, основан во второй половине XII века (по другим данным – в начале XIII).

25.

...в Корнуэлле... – Корнуэлл – полуостров на юго-западе Великобритании.

26.

...тридцать тысяч наполеондоров. – Наполеондор (фр. Napoleon d'or, буквально – золотой Наполеон) – французская золотая монета достоинством в двадцать франков, содержащая 5,8 г чистого золота; чеканится с 1803 года, с 50-х годов XX века выпускается только для продажи частным тезавраторам (накопителям сокровищ в виде золотых монет и слитков); название монеты дано в связи с изображением на ней Наполеона I и Наполеона III.

27.

...роббер... – в карточных играх (вист, винт, бридж) – круг игры, состоящий из трех отдельных партий.

28.

...Гюстав Флобер... – Гюстав Флобер (1821–1880) – французский писатель. ...Жорж Санд... – Жорж Санд (1804–1876) – французская писательница.

29.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с огромным аметистом в середине крышки. <...> Эта безделушка – подарок короля Богемии в благодарность за мою помощь с письмами Ирен Адлер. – А. Конан Дойла, как это уже не раз случалось в цикле о Шерлоке Холмсе, подводит память. Рассказ «Скандал в Богемии» заканчивается тем, что лондонский сыщик с презрением отклоняет попытку короля Богемии отблагодарить его за услуги и просит за них лишь фотографию Ирен Адлер.

30.

...из Окленда... – В данном случае речь идет о городе-порте Окленд в Новой Зеландии.

31.

...плисовое платье... – Плис (швед. plyn от лат. pilus – волос) – хлопчатобумажная ткань, с лицевой стороны похожая на бархат.

32.

...кларета... – Кларет – легкое сухое вино. В Англии кларетом называют красное вино из французского города Бордо – центра виноделия и виноторговли – или любое другое вино, соответствующее ему по цвету и консистенции. Англ. claret от ст. – фр. claret – прозрачный, чистый.

33.

...Андоверское... – Андовер – есть два города с таким названием: один в Англии, в графстве Хэмпшир, другой – в США, в штате Массачусетс. Какой из них имеется в виду, из контекста понять невозможно.

34.

...в Гааге... – Гаага – город в Нидерландах.

35.

...цитирует Бальзака. – Оноре де Бальзак (1799–1850) – французский писатель-реалист.

36.

...Хафиз... – Ширази Хафиз (1325–1389/90) – персидский поэт. Однако цитата принадлежит не ему – а скорее всего, самому автору.

37.

...до самого Рединга... – Рединг – столица и самый крупный город графства Беркшир.

38.

...коронеру... – Коронер – см. т. 1 наст. изд., комментарий на с. 379.

39.

...карманное издание Петрарки... – Франческо Петрарка (1304–1374) – итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения.

40.

...в Суиндоне... – Суиндон – город на юге Англии, между Лондоном и Бристолем; транспортный узел.

41.

...Северн... – одна из крупнейших рек Великобритании.